

Иван Иванович Лажечников

Горбун

Горбун. *Драма в пяти актах.* (1858)

(Лажечников И. И. Собрание сочинений. В 6 томах. Том 6. М.: Можайск — Терра, 1994.

Текст печатается по изданию: Лажечников И. И. Полное собрание сочинений. С.-Петербург — Москва, товарищество М. О. Вольф, 1913)

Содержание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	0004
АКТ I	0006
АКТ II	0053
АКТ III	0082
АКТ IV	0103
АКТ V	0129

Иван Иванович Лажечников
Горбун
Драма в пяти актах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павел Иванович Кремонов, помещик.

Вера Павловна, дочь его.

Аполлон Павлович, сын его, горбун.

Александр Андреевич Радугин, отставной гвардии полковник.

Елисавета Андреевна, сестра его.

Гаврила Силаевич Мошнин, купец.

Каспар Иванович Шаф, бывший гувернер в доме Кремонова.

Останов, предводитель дворянства.

Громодерин, Курилкин, Пурышков, Сотов, Тузин, Переметкинский } помещики.

Казявкин, заседатель суда.

Македонский, секретарь суда.

Следственный пристав.

Слуга, в доме Кремоновых.

Слуга, в доме Радугиных.

Староста.

Молодой крестьянин.

Истопник.

Жена, дочь и дети Мошниина.

Мальчик.

Крестьяне, солдаты, музыканты и песенни-

ки.

Действие происходит в одной из отдаленных от столиц губерний, в глуши России; первый акт в одном из девяностых годов XVIII столетия, следующие акты с лишком через год.

АКТ I

Сцена представляет комнату в деревенском господском доме. Окна запушены снегом: с одной стороны печь, с другой обширный камин. Небогатая мебель; один угол загораживают ширмы. Корпус часовой без часов. Утро.

Явление I

Кремонов, Вера Павловна и Аполлон Павлович. Все входят в дорожной зимней одежде. Аполлон Павлович, делая гримасу, наступает на полу сестриной шубы, которую она второпях спустила.

Вера Павловна (*грозя ему ласково пальцем*). Полно, Аполлон, шутить!

Аполлон Павлович (*с глубоким уважением*). Виноват, сударыня! Что ж мне и делать? Это высокие занятия моей жизни! Кстати великолепной встрече, которую нам делают наши подданные!.. (*озираясь*). Какой дворец!.. (*Осмотрев печати на боковых дверях и корпус часовой и не скидая с себя теплой одежды, садится в кресла.*)

Кремонов. Почему сюда?.. Зачем загорожена эта дверь?.. Не понимаю. *(Скидая с себя шубу.)* Как бы то ни было, наконец, благодарение Богу, мы в пристани!.. Легко сказать, с лишком тысячу верст по снежным сугробам и ухабам! Особенно нынешняя ночь дала нам знать о себе. Уф! какой мороз! Все члены окостенели. Кажется, если б не мысль, что мы приедем к себе в теплый угол, что мы хоть несколько отдохнем здесь от бурь житейских... так убаюкал бы меня холод навеки. И если б не ты, Верочка, душа моя *(вздыхает)*, право бы, пора!

Вера Павловна. Полноте, папа, смущать себя печальными мыслями. Мы здесь заживем прекрасно: хозяйство, прогулки, книги... *(останавливается в смущении).*

Кремонов. И что еще? Жадные заимодавцы на все налетели, как саранча, и листка нотного не оставили.

Вера Павловна. Нет, я хотела сказать: и приятное соседство. Вы знаете, что Лиза Радугина живет верстах в четырех от нас. Как скоро отойдут руки от холода, пошлю весточку о нашем приезде.

Кремонов. Дай мне свои ручки, мой ангел, я их отогрею. Нежный, прекрасный цвет мой, боюсь, чтоб ты не заглох в здешней пустыне. *(Берет ее руки и греет их своим дыханием.)* Но... здесь, кажется, худо топлено.

Аполлон Павлович *(иронически)*. Наконец изволили догадаться!

Кремонов *(дочери)*. Пойди в свою комнату, там, верно, потеплее... Ты ж целую ночь не спала; надо тебе и отдых. *(Целует ее в лоб и благословляет; Вера Павловна уходит, кивнув ласково брату.)*

Явление II

Кремонов и Аполлон Павлович.

Кремонов *(в сторону)*. Какая кротость! какое ангельское терпение! Во всю дорогу и виду не подала, что страдает... А страдает она много за несчастного отца, за урод, злого брата, который уморил мать свою, и... на долю ее самой довольно причин для горести! Радугин только что сделал предложение и должен был идти в поход. Партия была прекрасная: хорош, умен, богат, влюблен в нее

без памяти... Да, была прекрасная партия! кто поручится, что она состоится...

Время, непостоянство, война... самая гордость Веры в наших обстоятельствах... сколько противных шансов!.. Радугин знал нас в Петербурге за богатых людей, а теперь от 1000 душ только и осталось, что этот бедный уголок. Видно, надо сказать прости и счастью Веры. *(Взглянув на сына, обращается к нему с сердцем.)* Ты что не скидаешь своей епанчи, словно камчадал?

Аполлон Павлович. В жарких странах востока носят же шапки и меховые одежды. А мы разве не на востоке? Так и палит!.. Полюбуйтесь, какими чудными узорами разрисованы стекла, видно — по-восточному!..

Кремонов *(с неудовольствием)*. В самом деле, что-то не тепло... *(Пожимается и потирает руками, потом ощупывает стенку печи.)* Да, кой черт, здесь нынче нетоплено!.. *(Надевает опять теплую одежду.)* Эй, кто там? Брр... А еще за месяц послал строгий приказ все хорошенько изготовить к нашему приезду. Бездельники! видно, все спилился с кругу... Эй *(обращаясь к сыну)*, горбун, что ж

ты не позовешь кого?

Аполлон Павлович (*медленно пробираясь к двери*). Горбун! урод!.. вот приятные эпитеты дорогому сынку, наследнику знаменитого имени и богатства господина Кремонова. (*Отворяет дверь, но останавливается на пороге, услышав за ней шум и ссору; когда входят новые лица, возвращается и спокойно садится в кресла.*)

Явление III

Кремонов, Аполлон Павлович, староста и слуга.

Староста. Больно отважен!.. питерская голь, вымолоти-ка сперва на обухе рожь.

Слуга. Пойдем же к барину на разделку. (*Тащит его в комнату.*)

Староста. Что ж? идем!.. мы-ста и боярина не боимся; у нас есть опекун.

Кремонов. Опека!.. Неужели и этого не доставало. (*Обращаясь к пришедшим.*) Что это за шум?

Слуга. Дров, сударь, не дает... чего не бывало, держит в сарае под замком... У Веры Пав-

ЛОВНЫ в комнате хоть волков морозить. Мужик, степняк, грозитя еще каким-то опекуном.

Кремонов. Неловко шутить, старина! ты, кажись, был мужик умный, а теперь словно дурману объелся. Разве ты меня не знаешь?

Староста. Как-ста не знать, батюшка, ты был нашим боярином, да вотчина твоя, не осуди, отошла под опеку. Вот что, осударь, без тебя доспелось. Наехал... как бы не обмолвиться... дня за два до Николы с мостом, заседатель из городу, да с ним куроцап приказный, да понятых с десятков, собрали мирскую сходку, да и прочли нам грамотку; по указу-де великого государя, вотчины Павла Ивановича, за долг купцу Мошнину, отбираются под запрет и под опеку... как бишь боярина-то зовут! *(Почесываетя.)* Мелочь такая!.. Бают, за тем-де и выбрали такого голенького, чтоб оперился... ведаешь, больно жалостливы!.. Ох! как бишь?.. окаянный, так и вертится около рта... *(Хватает себя за бороду.)*

Аполлон Павлович *(в сторону)*. Где у иных выручает голова, у русского мужичка борода. А мы все-таки от холоду зубами щел-

каем. Терпение ангельское!

Староста. Те, те, те, Пурышков, батюшка.

Кремонов. Пурышков?.. Этот мерзавец, который подписался под фальшивое завещание и скрывает у себя беглых!

Староста. Ему-де повинуйтесь, и его ни в чем послушаться не смейте; что бы ни попросил, все давайте: пойдет, дескать, все в казну да на уплату долгов боярских. А старого господина Павла Иваныча отнюдь не слушаться; кроху прощать будет, и за тое беда вам. Почали все описывать да печати прикладывать. Тут неча мне было делать, показал я твой боярский приказ, чтобы топили печи и снаряжали все в палатах, как было допреж. И, Господи помилуй, пошел дым коромыслом, хоть святых вон выноси: осерчал заседатель, аки зверь голодный, разорвал зубами в клочки твой приказ, да истоптал ногами, да бросился на меня: «Али тебе палками вколотить разум,— крикнул он,— сказано раз, так не переспрашивай... Велят колокол снять языком с колокольни, снимай. Оставь своему Павлу прихожу да заднюю каморку к саду, да боярышне на бальзамине конуру — будет с них,

нищих». И почал, почал, батюшки, аки сердитый жернов. Того и гляди, тут-те измелет в порошок! Насилу, осударь, отъехали от него десятком кур, да сотней яиц, да тремя поросятами, да ведеркой вина... Все здесь и скушали вдвоем, ажио ужас взял. Замертво свезли в город.

Кремонов (*в сторону*). Боже! и сюда гнев твой меня преследует! (*Вслух.*) Это должно быть ошибка... или плутни... все это перемелется... я привез с собою много денег из Питера... На днях же снимут опеку... Ну, а люди где? почему не видать ни одного?

Староста. Фильку-сапожника взял в услужение заседатель, Афоньку-швейца — секретарь, Праскуту отдали боярыне, что подарки берет за судью, а прочих, кого рассовал опекун по приятелям, в губернии, да у своей милости оставил. С того случая не урежает к нам, то жеребца сведет с боярской конюшни — пиши земской «окодел!», то от садовщика поберет из теплицы дорогие деревья — пиши «позасохли». Позавчера велел разбить стеклышко в кладовой, только что руку просунуть, да и втиснул туда своего мальчугана,

крепостного — востер постреленок!.. диву дались... вполз и выполз, аки змеенок, да вынес ложек пары две. Говори: «Кошки разбили стекло, а мыши-де таскают серебро». Поперечить не смей: бают не нам, а в губернию.

Аполлон Павлович. А в губернии скажут: не нам, не нам... масляный ком катится и растет, у сбивальщиков все-таки на руках малая толика остается.

Староста. Обмолвись, так и в преисподнюю засадят.

Кремонов. Ну, полно, староста, голубчик... вели, пожалуйста, дров хоть к дочери наверх.

Староста. Свято-слово, не могу: здесь, батюшка, дрова дороже хлеба — соломкою топим.

Кремонов. Суд приказал отвезть нам комнаты, так и дрова не заказал давать. Не колеть же, как собакам, на дворе!.. *(Дует в пальцы.)* Ей-Богу, сердце захватило от стужи... Бедная Верочка!.. Только беремья-с два небольших... Добрый староста, не кобеняся же... когда-нибудь вспомним твою услугу.

Староста. Рад бы всей радостью, да страшно опекуна и суда. Видит Бог, не могу... коли

непротивно милости твоей, пожалуй к нам в избу.

Аполлон Павлович (*схватывает со стола пистолет и, наставляя на старосту, вскрикивает*). Дров, мошенник, сейчас, мигом дров, или я тебе размозжу голову, да чучелу твою отправлю в суд.

Староста (*униженно кланяясь*). Слушаю, ваше благородие... про твою милость што угодно.

Аполлон Павлович (*слуге*). Не отставай от него, пока не принесет, что потребуешь. Убьешь, я отвечаю.

Староста (*уходя за слугой, тихонько*). Экой страшный, да грозный! Так и жилки затряслися.

Явление IV

Кремонов и Аполлон Павлович.

Кремонов (*про себя*). Последние мои надежды рассыпались в прах!.. К чему приступлю теперь?.. У себя в доме я чужой; из милости дают мне уголь... узнают Радугины: Боже, какой стыд! В кармане несколько сотен руб-

лей: надолго ли станут?.. А там неужели протянуть руки и просить о куске хлеба для себя и дочери?.. Скорее в петлю!.. Что станется с Верочкой?.. *(Плачет)*.

Аполлон Павлович *(в сторону)*. Вот этак всю жизнь — слабость, неуместная доброта, беспечность, а после стонет да охает. Берег бы денежку на черный день и не так часто купался бы в стерляжьей ухе и шампанском.

Кремонов. Как на беду, я дал ей воспитание от миллионного состояния! *(Вслух)*. Что будет она делать?

Аполлон Павлович. Вера? то же, что и мы: голодать и ощипываться. Как и мы, грешные, протянет руку и запищит, вместо tante pàpiti, сжальтесь, добрые люди.

Кремонов. Молчи, змея подколодная, или я своими руками...

Аполлон Павлович. Не душите, может быть, еще пригожусь для вас и вашей Верочки. Славный рисовальщик, славный каллиграф, по милости вашей и моего горба, я без хлеба не останусь.

Явление V

Те же и слуга.

Слуга (*Кремонову*). Вера Павловна просит вас к себе; у ней затоплена печь и самовар подан.

Кремонов (*с восторгом*). Чай? Это прекрасно!.. Что, Ларивон... не осталось ли у нас... ананасного рома?

Слуга. Последние капли выпили на станции за Чистополем.

Кремонов. Куда б хорошо!.. что делать? нет, так нет! (*Хочет выйти, навстречу ему Шаф, который останавливается в дверях; при виде этого нового лица, в каком-то ужасе останавливается и Кремонов.*)

Явление VI

Те же и Шаф.

Шаф. Этот испуг для меня недобрый знак.

Кремонов. Каспар Иваныч?.. Ты ли это?.. Какими судьбами? (*Обнимает его.*)

Шаф. Уж, конечно, я, Каспар Шаф, бывший гувернер в вашем доме, я — собственной персоной. А это мой бывший ученик, мой милый

Аполлон? *(Обнимаются.)* Какой стал молодец!

Аполлон Павлович. Хоть прямо в гвардию горбатых!

Шаф. Помнишь ли, как я дирал тебя за уши?

Аполлон Павлович. И за незнание урока потчивал мою собственную персону сладкими грушами *(показывает руками, как он бил его линейкой)*. Как забыть эти нежности!..

Кремонов. Садись-ка, дорогой гость, и побеседуем: мы старые друзья! Извини, холодененько здесь... Мерзавцы худо топят... *(Садится на диван.)* Ну, расскажи, мой добрый Каспар Иваныч, зачем с берегов Рейна... в нашу глушь?

Шаф. Вы это должны хорошо знать, Павел Иванович.

Кремонов. Я?.. ей-богу, не знаю... *(слуге)*. Скажи Вере, что буду сейчас с Каспаром Иванычем.

Шаф. Позвольте, я вам расскажу всю историю с того времени, как оставил дом ваш. Извините, я немец и люблю пунктуальность. Вы знаете, что я прожил десять лет в вашем до-

ме, милостивый господин, сначала дядькою, потом гувернером и учителем.

Аполлон Павлович. Пунктуальность требует пояснить в формуляре вашем: был сперва словолитчиком.

Шаф. Да, в знаменитой майнцской типографии, основанной самим Гутенбергом... горжусь этим, государь мой.

Аполлон Павлович. Прибавьте: потом бумажным фабрикантом.

Шаф. Что ж, и это не делает мне стыда. В ваши лета, государь мой, я не ел даром хлеба.

Аполлон Павлович. Вы были не урод!..

Шаф. Итак, послуживши гувернером и учителем, я накопил честными трудами, великою экономией...

Аполлон Павлович. Помню, как вы прятали в сундук кусочки сахара, которые вам отпускали к чаю и кофею, и пили чай и кофе без сахара, а после экономию продавали в трактиры.

Кремонов. Не слушай этой злой обезьяны.

Шаф. О! экономия великое дело: с нею наживают миллионы, а я накопил десяток тысяч. И за то благословлял моего Господа. Вы

не забыли, конечно, милостивый господин, что эту важную сумму, все мое богатство, цель и награду всех моих трудов, отдал я вам на сохранение... кто бы не поверил вам? я жил так долго в вашем доме, вы были очень богаты... я был обязан вам признательностью за хорошее со мною обращение.

Кремонов. Не забыл.

Шаф. Помните, когда я поехал из России, вы дали мне слово прислать всю капитальную сумму в следующий год.

Кремонов. Да, кажется... так.

Шаф. Не кажется, а точно так. Я честный немец и не солгу ни за миллионы. Приехав в свое отечество, я женился... Тогда на денежки, которые с собой привез, и на те, которые мне должно было от вас получить, купил я себе домик и виноградник на берегу Рейна. Проходит год, Гретхен дарит меня дочкой — вы присылаете мне, вместо капитальной суммы, проценты. Убеждаю моего кредитора подождать — ждет... Проходит еще год — от Гретхен сынок, от вас ни капитала, ни процентов... Кредитор мой тормозит меня — продаю клочок виноградника, отрываю кусок от соб-

ственного тела, обрезаваю свои расходы, и на время спокоен. Еще год — от Гретхен еще сынок, от вас ни слуху ни духу, как говорят русские. Пишу, пишу, нет ответа. Кредитор мой грозит мне тюрьмою, дети, жена, старушка-мать просят хлеба и одежды... Продаю свой дом, свой виноградник. Можете вообразить, как я расставался с ними... каждый угол в доме, каждую лозу оплакали... Нищета, голод детей, изнурение жены, горесть матери, тюрьма — вот что меня ожидало затем. Понимаете ли, государь мой, страдания женщины, которую нежно любишь, матери, кормившей вас своею грудью, стоны маленьких детей, умирающих от холоду и голоду? Понимаете ли, сударь, стыд тюрьмы?.. О, я не выдержал даже мысли о такой будущности и решился оставить отечество и идти пешком в Россию, к вам, Павел Иваныч. Я не один перед вами — с женою, с тремя детьми, со старушкою-матерью.

Кремонов. Чувствую все ваше горе... но зачем это?.. Я бы и сам... Да разве не получали... моей последней посылки?.. месяцев пять тому назад?

Шаф. Я сказал уж вам, не получал.

Кремонов. Однако ж посланы чрез банкира петербургского... Ох! как, бишь, его имя!

Аполлон Павлович (в сторону). Банкир Нот — знаменитый!.. и такой услужливый!.. особенно к тем, кто к нему напрашивается...

Шаф. Позвольте сказать с должным уважением к вашему лицу и сану: неправда, милостивый господин, неправда грех великий: я везде справлялся...

Кремонов. Может быть, плут управитель обманул меня.

Шаф. Хочу верить для чести вашей, только я денег не получал. Позвольте же далее... простившись с семейством, будто шел на смерть, я отправился в путь... В Вене у меня не было уж крейцера в кармане... хоть броситься в Дунай!.. Я об этом уж помышлял... На счастье мое прискакал к императору австрийскому русский курьер с депешами из армии. Являюсь к нему... рассказываю свои обстоятельства... он дает мне кошелек с золотом, разумеется, в долг; мое честное слово ему заложено... этот курьер, кто бы вы думали?.. адъютант великого Суворова, этот адъютант — господин

Александр Андреевич!..

Кремонов (с величайшим смущением). Уж не...

Аполлон Павлович. Конечно, наш рыцарь Радугин. Потешно!

Шаф. Так и есть... Радугин, благороднейший из смертных. Имя его записано здесь, в сердце моем; дети мои затвердят его в молитвах своих. Отдавая мне деньги, он взял с меня слово не разглашать о делах моих с вами, и ручался мне, что вы заплатите непременно долг свой.

Кремонов (в сторону). Боже мой! ему все известно... какой позор!.. Бедная Вера, я твой палач. (Вслух.) Уж, конечно, заплачу, мой добрый, мой милый Каспар Иваныч... честное слово... Я имею виды... будьте снисходительны только недели на две, на три... Где ж вы остановились теперь?

Шаф. У купца Мошнина, из хлеба нанялся рисовальщиком на его фабрике. Вы должны его знать... За иск его наложена опека... и это обстоятельство заставляет меня бояться...

Кремонов. О, не бойтесь... Жестокосердый! из хлеба! плут! разбойник!.. я докажу, что иск

его фальшив... Вы первые будете удовлетворены. *(Входит слуга.)*

Явление VII

Те же и слуга.

Слуга. Барышня приказала доложить вам, не забыли ли о чае, и не прикажете ли сюда?

Кремонов. Идем сами. *(Отводит Шафа в сторону.)* Объясню вам после, друг мой, какие у меня надежды... я выиграл процесс... на днях получу резолюцию из Сената... Недели две-три не больше... *(Жмет ему руку.)*

Шаф. Хочу вам верить и боюсь не верить: от одной мысли сердце леденеет...

Кремонов. Ну уж я сказал тебе... Пойдем же, на примирении выпьем по доброму стакану чаю... здесь так холодно...

Шаф. Мне жарко от воспоминания о моих детях и жене.

Кремонов. Только ради Бога ни слова Верочке... понимаешь, она такая чувствительная... особенно о Радугине... это убьет ее... я скажу тебе за секрет: благодетель твой — жених ее...

Шаф. Даю слово. У меня самого дочь; но моей нет при мне. *(Уходят.)*

Явление VIII

Аполлон Павлович и слуга.

Аполлон Павлович *(удерживая слугу).*
Мне что приказано сказать?

Слуга. Не до вас, посидите у моря, да подождите погоды.

Явление IX.

Аполлон Павлович *(один).* Вот этак всегда, от первого до последнего в доме!.. А кто выручил их, как не я. Сосали бы отмороженные лапы, как медведи! *(Радостно.)* И у меня будут дрова! я это знаю, я это видел по глазам старосты... однако ж, что-то долго не несут! Я весь продрог... Одежда на мне только именем теплая... Воображение, благодетельное божество, приди на помощь слабеющим силам и удержи хоть на несколько минут последние искры огня в крови моей. Ты нередко было моею красотою, моим богатством и славою! не оставь меня и теперь... Гений мой, моя фея!

махни надо мною благодетельным жезлом своим и согрей около меня холодную атмосферу... Дай, помечтаю... не все ли в жизни мечта? *(Закрывает глаза.)* И вот, я чувствую, благотворная теплота переливается из жилы в жилу... И вот я настоящий наследник богатого дворянина... образован, хорош, ловок... секретарь посольства... в будуаре красавицы, нежусь на роскошном диване, упиваюсь ее взором, который сулит мне столько блаженства... *(Вздрагивая, открывает глаза.)* Нет, холодно, очень холодно! Что ни пиши, а горькая существенность превозмогает... я в каком-то склепе... недоросль... урод!.. Да, урод!.. люди счастливые, то есть с приятно наружностью, знаете ли, что такое урод? Как бы объяснить?.. Нет, язык человеческий в миллионах слов имеет только одно для выражения этого понятия!.. Люди, если б вы понимали унижение, тяжесть этого слова, вы обращались бы иначе с тем, кто оклеймен им. Сизиф, Тантал, Прометей, почему вас всех, мучеников древности, не изобразили с моей фигурой, с моими понятиями и чувствами!.. Тогда б ваши страдания были понятнее... Но вы мифы, а я...

(Встает и смотрит в зеркало с адскою улыбкою.) Хорош! Красавец!.. В прибавку, как на смех, как бы ругаясь надо мной, назвали меня Аполлоном... Бельведерский!.. Ха, ха, ха! *(Бросается опять в кресла и, скрывая лицо в руках, плачет.)*

Явление X

Аполлон Павлович и истопник.

Истопник *(приносит беремя дров и затопляет камин. Смотря на Аполлона Павловича).* Не замерз ли уж барин? *(Осторожно толкает его.)* Огня принес.

Аполлон Павлович *(открывая лицо, радостно).* Огонь!.. А!.. тепло!.. *(Истопник, увидав его лицо, перестает класть дрова, встает, пробирается к двери и вон из комнаты.)*

Аполлон Павлович. И даже на этого дикаря, с грубыми, черствыми чувствами, мое безобразие сделало впечатление. *(Кладет сам дрова и греется; потом скидает теплую одежду.)*

Явление XI

Аполлон Павлович и Вера Павловна.

Вера Павловна *(неся на маленьком подносе чайный прибор).* Сама изготовила, сама принесла, никому не хотела поручить... Думала, что Аполлоша хоть раз в жизни поблагодарит меня. *(Ставит чайный прибор на столик, потом наливает чай в стакан и подает брату.)*

Аполлон Павлович. Благодарю. *(Прихлебывает с жадностью, иронически.)* Доброе сердце!.. Вы знаете, что слуги так настроены, что донесли бы мне, отпив из моей доли... Было у вас это в мыслях, не правда ли?

Вера Павловна. Нет, мне хотелось иметь удовольствие самой принести и слышать от тебя спасибо. *(Целует его в голову, стоя за спинкою кресел.)*

Аполлон Павлович *(отклоняет голову).* Полно притворничать!.. Ну, кто поверит, чтоб ты с удовольствием целовала уroda! Любят ли безобразиие?

Вера Павловна. Люблю тебя, брата моего, в таком виде, как ты есть; любила бы тебя и с приятною наружностью, однако ж не за нее, а потому только, что ты мне брат. Может быть,

почем знаешь? теперь люблю тебя, непригожего, еще больше... (*грустно*) ты несчастлив.

Аполлон Павлович. Увольте от сожаления, унижительное чувство!.. Поговорим лучше об Александре Радугине. Чай, предмет разговора для тебя неприятный?..

Вера Павловна. Я не скрыла от отца, что Александр мне нравится, как еще никто не нравился; почему скрывать мне это от брата? Молодой человек с редкими достоинствами!

Аполлон Павлович. Ты не говоришь более об нем, как о женихе. Едва ли необрученная?..

Вера Павловна. Да, словом и сердцем!.. Но... с тех пор, как он уехал, обстоятельства наши переменились... ты понимаешь унижение бедности...

Аполлон Павлович. О! всякого рода унижение, конечно, лучше другого! А жаль... Забавно было б посмотреть со стороны, как встретился бы ваш красавец с орангутангом, с которым должен породниться. Как сгорел бы отец! как устыдилась бы ты меня!.. умора, да и только!..

Вера Павловна. Вот какой ты недобрый!.. Можно ли выдумывать такие обидные меч-

ты?

Аполлон Павлович. Мечты?.. Нет, история, сударыня, история, которой каждую строчку мое сердце записывало кровью. А, право, жаль!.. Кто поручится за будущее, кто поручится, прекрасная Матильда, в постоянстве твоего Малек-Аделя? Может быть, героическое чело твоего жениха увито не одними лаврами!..

Вера Павловна. Что ж потом?

Аполлон Павлович. Потом... какая-нибудь Гретхен или Лютхен... Мудрено ль... венчают его своими миртами.

Вера Павловна. Не понимаю, что-то слишком высоко!

Аполлон Павлович. Просто, он изменил тебе.

Вера Павловна. Александр так благороден, в каждом слове его было столько любви... (Задумывается.) Нет, нет, это не может быть! Верю моему сердцу более, нежели твоим словам.

Аполлон Павлович. Положим так. Но война не невеста со сладкими поцелуями, не супруга с нежными заботами. Кто знает, что

она сулит Александру, или уж исполнила... может быть, чмокнулась с ним таким кровавым поцелуем, что изуродовала по-моему. Посмотри-ка на меня.

Вера Павловна (*грустно*). Полно, я тебя знаю. Я пришла к тебе с любовью сестры, а ты чем выгоняешь от себя?

Аполлон Павлович. Помилуй, мы просто рассуждаем, как друзья. Вот ты уж и разгневалась. Я хотел только спросить, пошла ли бы ты за такого урода?

Вера Павловна. О, конечно!.. Не скрою, что я в первые минуты нашего знакомства с Александром полюбила в нем красивого, любезного молодого человека; но теперь, я люблю только Александра. Сделайся он уродом, я все-таки не перестану любить его.

Аполлон Павлович. Высоко и духовно!.. А если на войне убьют твоего красавца?

Вера Павловна (*в слезах*). Злой человек!.. Господи! не дай сбыться словам этого... (*недоговаривая, уходит.*)

Явление XII

Аполлон Павлович (один). Что ж не договорила — уroda?.. Да, сударыня-сестрица, я люблю бесить других... Зачем же мне одному страдать и беситься!.. Что я, в самом деле, за исключение в мире! (*Немного подумав.*) Сестра добра, и любила б, если б я ее не сердил беспрестанно! Но зачем же она так хороша, как Божий ангел, а я дурен, как сатана? Зачем все ее так любят, а меня все ненавидят, начиная с отца и до последней собаки в доме? Зачем она так добра; зачем жалеет меня?.. Вот что меня мучит, что будет мучить до гробовой доски!.. И я мог быть счастлив, наслаждаться, как другие люди, дарами жизни! Сказывают, я родился хорош; меня называли даже пригожим ребенком. Что ж! с приятною наружностью, с умом, с образованием, с протекцией, какое я имел право ожидать от моего рода и состояния, я мог бы теперь, в мои лета, иметь, в самом деле, почетное место в обществе!.. Кто ж виноват, что я всего этого лишился?.. Я ли сам? моими ли ошибками, шалостями, ленью, пороками?.. Нимало! дуре-крестьянке угодно было отнять у меня лучшие дары, которыми наградила меня судьба,

и те, которые сулил мне свет... Я недоросль, унижен, презрен, помню беспрестанно, что своим безобразием отравил жизнь матери и свел ее в гроб, мерзок отцу, родным, посторонним, самому себе, потому что глупой крестьянке Марфе так угодно было. Кормилица неловко уронила меня, году, на колыбель, с какими-то богатыми вычурами, и эти вычуры пробили мне глаз и сделали меня дромадером... Одним словом, я, по милости Божьей, был человек, по милости крестьянки — урод. *(Слышен шум от санных подрезов.)* Кто-то приехал... спрячемся покуда в эту конуру. *(Скрывается за ширмы.)*

Явление XIII

Аполлон Павлович и Елисавета Андреевна Радугина.

Елисавета Андреевна. Никого!.. как пышно жили в Петербурге, а теперь... пусто, холодно, бедно... в этой несчастной комнате принимают. Окошки замерзли на вершок... печати на дверях!.. Хорошо еще, что нашлось зеркальце, где бы посмотреться *(смотрится в*

зеркало.) Бедная Вера! как должна ты страдать!.. Знаю, положение их не изменит намерений брата, но... это унижение бедности для нее ужасно!.. Надо вырвать ее отсюда во что б ни стало; постараюсь убедить ее, хоть на неделю, пока отец найдет средство снять проклятую опеку. Тетушка велела уговорить: она любит ее, как дочь свою. А я... готова увезти ее силой. Идут, кажется... скроем от них, что мне известны их обстоятельства. (Аполлон Павлович показывается из-за ширмы, Елисавета Андреевна, увидав его, вскрикивает.)

Аполлон Павлович. Испугались, чего?.. человека?.. самого высокого, благороднейшего создання Божьего?

Елисавета Андреевна *(в смущении приседая).* Извините... так нечаянно... я думала... одна в комнате... вы так неожиданно показались... *(В сторону.)* Мне говорили, что он дурачен, но — до такой степени — я никогда не воображала. Он просто ужасен!..

Явление XIV

Те же, Кремонов и Вера Павловна (последние в заметном смущении).

Елисавета Андреевна. Прекрасно! бесподобно! так-то, негодница, держишь свое слово?.. приехала, и не дала знать хоть строчкой.

Вера Павловна. Собиралась... лишь только из дорожной повозки, первая мысль была о тебе.

Елисавета Андреевна. Я лишь только узнала, что вы будете в деревню, прислала сюда своего лазутчика. Караулил целую неделю. Вы в ворота, а он ко мне, сломя голову, с вестью, что пожаловали. Не выдержала и по-скакала.

Кремонов. Извините, что принимаем здесь... у Веры в комнате все еще в таком беспорядке...

Елисавета Андреевна. Да как же иначе, с дороги?

Кремонов. Комната такая бедная!..

Вера Павловна. Лиза моя подруга с детства, не взыщет, хотя б и была посторонняя! Неужли нам стыдиться нашей бедности?

Елисавета Андреевна. Я ничего не вижу, не могу ничего видеть, кроме моей милой, бесценной Верочки. Ну здорова ли, душечка?

(Целуются.)

Кремонов *(тихо сыну)*. Ты что вывесил на показ свою гадкую фигуру?

Аполлон Павлович. Чтобы творец гордился своим произведением.

Вера Павловна. Рекомендую, это мой брат.

Елисавета Андреевна. Мы имели уже удовольствие познакомиться.

Аполлон Павлович. То есть я имел это удовольствие. *(В сторону.)* Кабы не крестьянка Марфа, может быть, мы поменялись бы с сестрицей ролями.

Елисавета Андреевна. Гляжу и не налюбуюсь на тебя.

Вера Павловна. Мне бы надо тебя этим встретить.

Елисавета Андреевна. Право?.. О, да я и без тебя знаю, мне твердят это почти каждый день мои степные обожатели. Когда б ты видела, что за прелесть эта молодежь! какой тон, какая высокая образованность! Берегись...

Вера Павловна. Неопасное соседство, потому что мы не намерены ни с кем знакомиться.

Кремонов. Да что ж вы не присядете. Мы словно на какой-то сцене.

Елисавета Андреевна. И в самом деле, я будто играю роль говоруньи. Вы, однако ж, думаете, я приехала к вам в гости, я приехала похитить вашу дочь. Волей-неволей, вы должны мне ее отдать... Вы так добры, Павел Иваныч, не откажите...

Кремонов. Как Верочка...

Вера Павловна *(отводя отца, в сторону).* К жениху в дом?.. в наших обстоятельствах... Не скажут ли, что мы...

Кремонов *(тихо).* Навязываемся... правда, неловко. *(Слышен дорожный колокольчик.)* Кто-нибудь из суда!.. Боже мой! она увидит... услышит... решайся, и избавь отца от позора... *(Возвращаясь к Радугиной.)* Ей надо бы дома... однако ж... отдаю на ее волю...

Елисавета Андреевна. О! ее-то я и не спрашиваю: я могу ей приказать... Нынче я ее главнокомандующий, итак, повелеваю тебе: прощайся с своим папашей и марш за мной! *(Слышен за дверьми спор.)*

Кремонов *(тихо дочери).* Убирайся же с этой болтуньей, хоть к себе наверх.

Вера Павловна (*Радугиной*). Слушаю, мой милый повелитель!

Елисавета Андреевна (*раскланиваясь, берет ее за руку, чтобы идти, и вдруг останавливается*). Да, я еще забыла сказать вам, Павел Ивановч... Вы, верно, порадуетесь со мной...

Кремонов. Готов радоваться вашей радостью (*в сторону*), когда кошки скребут по сердцу. (*Сыну на ухо.*) Вели хоть на минуту задержать. (*Аполлон Павлович неохотно повинуется.*)

Елисавета Андреевна. Мы получили на днях от брата письмо... пишет, награжден Георгием... за какое дело не помню... помню только, что в Италии... Сам Рымникский надел крест на него и поцеловал его в лоб. Вот почему я нынче так горда: и на меня падают лучи его славы!.. Александр здоров, но грустит по России (*жмет руку подруге*), вам всем кланяется... просит не забывать...

Кремонов. Радуюсь... благодарю... (*Слышны в это время голоса Мошнина и слуги.*)

Слуга. Подожди, доложу.

Мошнин. Пусти, разбойник!

Слуга. Да здесь дворянка-соседка.

Мошнин. Мне-то что, дворянка? я сам господин здесь.

Слуга. Одну минуту.

Мошнин. Ни одной... здесь не в городе... не убежит в задние двери.

Кремонов (*целуя дочь*). Прощай, мой дружок, будь здорова... (*Шепчет ей.*) Утащи ее и — поскорей из дому.

Вера Павловна (*подруге*). Je suis à toi[1]. (*Уходя с Радугиной, сталкиваются на пороге с Мошниным.*)

Елисавета Андреевна. Ха, ха, ха!.. Это что за бодун-козел. (*Мошнин вслед ее осматривает ее с головы до ног.*)

Явление XV

Кремонов, Аполлон Павлович, Мошнин и слуга.

Кремонов (*в сторону*). Уф, стораю от стыда... я думал, земля раскроется подо мной... (*Идет навстречу Мошницу.*) Милости просим, Гаврила Силаич, милости просим.

Мошнин. Какая тут милость, батенька! Хо-

лопы твои только что за ворот не берут. А как нужны были денежки, так в Питере присылали за мной колымагу не раз... такой-сякой, не мазанный... друг и приятель, и шипучку пили вместе и по два самовара в час ставили.

Кремонов. Ты всегда наш дорогой гость, Гаврила Силаич! Не взыщи на дураке слуге. (Слуге.) А тебя, болвана!.. Приказано отказывать посторонним, а Гаврила Силаич свой человек... Эй, стул!.. Да вам покойнее будет на канапе... (Дает знак слуге, чтобы вышел.)

Мошнин (сидя и осматривая все кругом). Сесть-то сяду, потому что устал, да прошу не прогневаться, скажу тебе напрямки пословицу: соловья баснями не кормят. А ты вот уж три года сказываешь их мне. Писал, писал — нет ответа. Посылал просьбицы — сколько на гербовую вышло!.. сколько пришлось отдать подьячим!.. Гнал лист за листом, а ты и ухом не ведешь, задариваешь судей, да и молчок. Наконец поехал сам к тебе в Питер... я в двери, а ты в другие, я в полицию, отзыв дают, уехал в степную деревню; шлю туда — пишут: в Питере; словно в гулячки играем. Теперь, батенька, поймал тебя, и не выпущу... прошу

не прогневаться, запрю в тюрьму, и что ни месяц, буду вносить кормовые.

Кремонов. Дворянина? как это можно?

Мошнин. Полно хорохориться-то, батенька, господин дворянчик! что за честь, как нечего есть. А вот прошу не прогневаться, как сядешь у окошечка за золотой решеткой...

Кремонов. Разве не по твоему иску наложена опека на это имение? чего ж еще?..

Мошнин. По-моему. Да что в этой опеке? кому головка, а мне мякина; и процентов не получаю. В имении твоём ни кола ни двора, по твоей же милости.

Кремонов. Что ж мне делать, Гаврила Си-лаич? научи сам. Все продано, все описано... что я тебе своим лицом?

Мошнин. Правду молвить, невелика пожива. Да мне-то что ж прикажешь делать, Павел Иваныч? фабричным задолжал, фабрика стала... банкрот совершенный!.. полезай в удавку или выручай.

Аполлон Павлович (*подвигая к Мошнину свои кресла*). А какая у вас фабрика, позвольте вас спросить?

Мошнин (*дерзка руку над глазами и*

всматриваясь в Аполлона Павловича). Ситцевая, батюшка, ситцевая. *(Обращаясь к Кремонову.)* Ведь сынок твой?

Кремонов. Сын. Вот какова подпора на старости!

Мошнин *(прищуриваясь).* Полно грешить, по глазам вижу, умная голова, дока!

Аполлон Павлович. Разве по одному глазу и по двум горбам.

Мошнин. Хе, хе, хе? И то правду сказать, батенька, вряд ли найдем горбуна дурака. Но мое разумение об тебе, государь мой, не из того источника вытекает. Вот видишь, я хоть и простой человек, да много всякой всячины видел на своем веку и многому научился... Не к стыду моему буди сказано: я был крестьянин твоего деда... мастерством каменщик... царство ему небесное, хоть и слыл фармазном!.. Мужик был хитрый, рассудительный, видел насквозь человека... нажил копейку, да и оставил своему сынку *(наклоняясь к Аполлону Павловичу, дружески мигает ему),* только не в помощь богатство... хе, хе, хе! Дед ваш любил меня, часто беседу вел со мною, и зная, что я умею держать язык за зубами, сказывал

мне про такие вещи, что ужас иного возьмет... Верьте, государь мой, или не верьте, а он умел делать золото.

Кремонов. Почему ж не передал сыну этого искусства?

Мошнин. Прошу не прогневаться, он знал, что промотаешь дельное золото, как промотал ты денежки, которые он тебе оставил. Где вам, батенька! На такие дела нужно фортель в голове, да бесстрашие, да труд. А вам бы манну с неба кушать... Знаем вас!.. И я то денежки свои не тебе верил, а на слово батюшке твоему во гробу... *(Слышен стук в стене от мороза.)* О, го, го! дает, видно, ответ: «заплачу». Вот кто мне порукой по вас!

Кремонов *(встает и, озираясь со страхом, ходит по комнате).*

Мошнин *(тихо Аполлону Павловичу).* Трус! мороза испугался.

Аполлон Павлович *(тихо смеясь).* Вот этак всего!.. *(Вслух.)* Прошу вас продолжать рассказ.

Мошнин. Таким-то хоботом понабрался я кое-чего у твоего дедушки, по милости его отпущен на волю, научился самоучкой грамоте;

протекло много ли мало ли лет, бросил свое каменное мастерство, потом в приказчики на ситцевую фабрику, вышел в хозяева, начал ездить по ярмаркам, делать дела с немцами, армянами, жидами, и с крещеными и некрещеными... с русскими был русский, с татарин — татарин... где полз вьюном, где на четвереньках... Не взыщи, батенька, как же иначе наживать денежку! Не мне чета тоже делают и выходят в люди!.. И набил было я копейку, да вот почтеннейший нынче разоряет меня вконец... Однако ж прошу не прогневаться, речь-то я к тому вел, что твой дед научил меня по приметам различать сокола от вороны!.. Вот как бы мне пришлось с тобою дело иметь, так не стали бы зевать по батюшкиному.

Кремонов. Вот что должно терпеть несчастье. Ты обижаешь меня, Гаврила Силаич, грешно.

Мошнин. Грех правде поперечить, батенька! Плохонек был — дела говорят, не мы. Вот и теперь кабы ты хотел, мог бы поправиться... фортель есть...

Кремонов. Научи меня, будь моим благо-

детелем, моим спасителем.

Мошнин. Где!.. Ты слишком совестлив.

Кремонов. Готов хоть к сатане в услужение, лишь бы выпутаться из бед, которые меня со всех сторон осадили.

Мошнин (*прищурясь одним глазом*). Право?.. хе, хе, хе! ну вот мне нужен на мою фабрику рисовальщик и гридыровщик... дорого бы дал... понимаешь меня?..

Кремонов. Это одне шутки... можно ли дворянину?

Мошнин. Опять за старую песню!.. Шутка, так шутка! (*Задумывается и считает по пальцам про себя.*) Пять — синюха, две синенькие — красная бумага, десять, десять и два раза десять — пятьдесят, четыре беленькие — сотенная! хорошо! А как тысячу сотенных?.. уж это не шутка!.. Ге, ге, ге, да и мы арихметику знаем... (*Продолжает что-то считать по пальцам, между тем Кремонов, облокотясь на ручку канапе, сидит в задумчивости.*)

Аполлон Павлович (*дрожа, вскочив с кресел, в сторону*). Я... я его понял... гениальная мысль! Она давно западала мне в душу... она не раз тревожила меня днем, будила ночью...

почему же ей не осуществиться!.. Этот миг мой Рубикон... переступаю!.. *(Подошедши к отцу, на ухо.)* Оставьте нас... на часок... на полчаса... я постараюсь его уговорить...

Кремонов *(тихо сыну)*. Как же мне от него улизнуть? готов хоть в овине просидеть.

Мошнин. Вам, батюшка, не нужно ли по делам хозяйственным?.. каков час!.. Извольте, извольте... ведь вы, чай, не убежите...

Кремонов. Помилуй, и убежать-то некуда. *(Уходит.)*

Явление XVI

Аполлон Павлович и Мошнин.

Мошнин. Слабый человек, мухи с носа не стонит, а какое с тобою обращение!

Аполлон Павлович *(хочет говорить)*.

Мошнин *(перебивая его)*. Не говори мне... все знаю, батюшка, Аполлон Павлович... Так твое имечко, кажись?

Аполлон Павлович. Точно.

Мошнин. И болван-то и горбун?.. других имен тебе нет. Ох, ох! А кабы умели тебе цену дать, кабы родитель слушался тебя, или пору-

чал тебе дела свои, так пошло бы иначе...

Аполлон Павлович. Благодарю покорно и понимаю цену ваших похвал. *(Подвигается поближе к нему.)*

Мошнин. Смекнул тотчас, что у тебя глаз верен, аки граненый алмаз. Говорят... *(потирает руки с удовольствием)* у вас и ручка золотая.

Аполлон Павлович. Могу похвалиться, нарисую живо, с чего угодно... а написать могу и скорописью, и по печатному так, что с книжным не узнаешь. Жаль, что не могу дать вам образчика.

Мошнин *(качая головой)*. И ты, Аполлон Павлович, непустишь такой золотой ручки в ход... грешите, родной!.. кабы у меня такая, нажил бы разом десятки тысяч.

Аполлон Павлович. Не имел случая и хорошего посредника...

Мошнин. Да, батюшка, надо верность, чтоб пустить в ход твою работу... А позволь спросить, еще что знаешь?

Аполлон Павлович. Жаль, что ничего более... могу только похвастаться осязанием... вы понимаете... закрыв глаза, ощупаю какая у

вас... положим хоть... бумажка. *(В сторону.)*
Кажется, в рот положил...

Мошнин *(качая головой)*. Так, так, а ты бы?

Аполлон Павлович. Да... я бы...

Мошнин. Заприте-ка дверь, батюшка.

Аполлон Павлович *(запирает дверь и потом, возвратившись, дрожа, схватывает его за руку)*. Запер... *(Отведя его за ширмы.)* Полно!.. не выдержу... В жилах моих не кровь, а свинец — ты растопил его! Играть долее нашу камедь невмочь. Мы поняли друг друга — так ли?

Мошнин. И гадать не надо.

Аполлон Павлович. Ты умный, хитрый мужик, пожалуй, и плут; я, как видишь, урод и не дурак. Соединим наши головы, и мы обманем сотни дураков. Да, мы можем разбогатеть.

Мошнин. Ладно!.. ты... я... *(показывает рукой.)*

Аполлон Павлович. Помни, мне терять нечего, кроме жизни, и ту я в грош не ставлю... Взвесь, что ты можешь потерять своею неосторожностью или изменой— жену, детей, которых ты, может быть, любишь, состо-

ание, нажитое трудами многих лет, жизнь, для тебя дорогую.

Мошнин. Жену, троих детей, капитал, голову — кладу тебе в руки.

Аполлон Павлович. Хорошо. Но место? Но...

Мошнин. Прошу не прогневаться, все уж давно придумал. Только тебя не доставало. Нечистый, прости Господи, или кто другой, нас свел, не ведаю, но лишь взглянул на твою милость, подумал: вот эта птица и нужна тебе. Слушай же. С незапамятных времен построен твоими прародителями, под этим домом, великий подвал со сводами. Дед твой доподлинно работал в этом подвале. А чтобы никто не видел его мастерства, так он заклал вход камнями и засыпал землей, а из этой каморки провел в подвал тайник. Клали мы его с отцом под клятвой и великой наградой. Мы были крепки на слово, зато и отпущены на волю и милостиво одарены. Отец мой помер, помер и дед твой. Об этом тайнике никто не знал, кроме меня да разве домовых, прости Господи! Отец мой сказывал, что был другой тайник в подвале из другой каморки, да тот

еще покойник заклал. Посмотри-ка, фортель какой, хитра штука! *(Отвинчивает ножом два винта в чугунной плите камина, которая от этого действия вдруг опускается.)* Нет ли свечи?

Аполлон Павлович. Мне часто не давали огня по ночам, а заниматься хотелось, так я крал восковые свечи. *(Вынимает огарок из чемодана, высекает огонь и передает свечу Мошнину.)*

Мошнин *(берет свечу и входит в камин; сквозь отверстие его освещается свод подвала).* Глянь-ка сюда, голубчик.

Аполлон Павлович *(следуя за ними).* Чудный храм для нашего божества! настоящая преисподняя!.. Солнце не пробьет этих сводов лучом своим. И ты, гром небесный, притупишь об них свои стрелы!.. О, Вельзевул не мог бы устроить для себя лучшей рабочей. Друг Мошнин, мы здесь потрудимся... мы наживем здесь миллионы.

Мошнин. О, го, го, миллионы!.. Прошу не прогневаться, батюшка: тише едешь — дальше будешь.

Аполлон Павлович. Заключим здесь союз

на труд и верность. Обнимемся братски... (*Обнимаются; Мошнин поднимает чугунную плиту и опять ее завинчивает. Оба выходят из камина.*) Да забыл... а мастера другого... понимаешь.

Мошнин. Вот видишь, у меня на фабрике живет голенький немчура...

Аполлон Павлович. Каспар Иваныч. Лучше нельзя сыскать! Отец должен ему 10 тысяч. Согласится, так мы запрем его в этот подвал, пока нужно, и пошлем долг жене его в немецкую землю; не согласится — умирай голодною смертью, с женой и детьми. О, я уверен, эта рыбка пойдет разом на золотую удочку.

Мошнин. А там...

Аполлон Павлович. В кибитку и за границу.

Мошнин. А батюшка твой?

Аполлон Павлович. О, этот наш! ему теперь хоть в удавку. Чтобы спасти дочь и себя от стыда и голода, он готов на все.

Мошнин. Лишь только согласие даст, сниму опеку и пять тысяч ему задатку.

Аполлон Павлович. Распустим слухи, что

батюшкины дела не были так плохи, как думали, что он привез денег из Питера, отдал мне имение в заведывание... а там разные обороты, покупки, продажи, как водится, от всего барыш.

Мошнин (*треплет его по голове*). Золотая голова!

Аполлон Павлович. Итак, до завтра.

Мошнин. Утро вечера мудренее. До радостного свидания, батюшка! (*Уходит.*)

Аполлон Павлович (*один*). Посмотрим, сумею ли править великим делом. За работу, Аполлон! я рассыплю на свой мир золотые лучи не хуже моего божественного тезки.

Деньги — вот архимедов рычаг! Нынче я нищий, унижен, презрен, а завтра — золото, господство, уважение!.. А сладостная месть?.. чем оценить ее?.. Отмстить за 30 лет унижения, отмстить людям за то, что в отношениях ко мне попирали законы природы, отмстить всему, что только презирало меня... разве это сокровище можно чем оценить?..

Итак, за работу, Аполлон!

АКТ II

Слишком через год.

В подвале; его разделяет полузадернутая занавеска. В углублении лежит Шиф на соломе. Дверь железная отпирается.

Явление I

Кремонов и Аполлон Павлович. У первого фонарь в руках, у другого салфетка, в которой завязаны съестные припасы и бутылка с вином; поставив свою ношу на пол, он запирает дверь и прячет ключ в карман.

Кремонов. Опять скажу, будто без меня нельзя?

Аполлон Павлович. Никак... извините, вы должны.

Кремонов. Разве я более года не лазил с тобою в эту кузницу? не оклеймил рук и лба своего ужасною каторжною работой?

Аполлон Павлович. Теперь ужасной!.. Однако ж вы чрез нее выручили 1000 душ из-под молотка заимодавцев и свою душу от само-

убийства, от которого были на волосок! И ду-
шечка Вера обеспечена, устроена, снаряжена,
как богатая невеста. Гм! Ужасной работой, ка-
кая неблагодарность! Скажите лучше, золо-
той, алмазной.

Кремонов. Аполлон, послушай отца...

Аполлон Павлович. Отца?.. В таких делах
нет ни отца, ни сына, есть только товарищи.

Кремонов. Пожалуй, товарища, участника
в вашем преступлении; мало? главного ви-
новника его, потому что, без моей слабости,
вы никогда не посягнули бы на такое злодея-
ние. Слушай: мы были в крайности, на краю
пропасти и, очертя голову и совесть, шагнули
через эту пропасть... благополучно... Уф, чего
стоит это благополучие! Пора оглянуться и
кончить... право, пора; послушай голоса рас-
судка.

Аполлон Павлович. Мой рассудок гово-
рит: мало, еще! Он же шепчет мне на ухо: «по-
пробуй, перестань — так опять втопчут тебя в
грязь, опять закуют в прежние железа».

Кремонов. Верь мне, этого уж не будет, не
может быть.

Аполлон Павлович. Верю только тридца-

ти годам унижения. О! когда на объяснения пошло, я скажу вам вот что... Кто довел меня до этой адской кузницы? Не вы ли сами? Я по рождению был ваш сын: что ж вы сделали из меня? — хуже, чем последнего из ваших слуг. Вы не били меня, нет, но унижение, в котором вы меня держали, насмешки, брань, презрение, которым все в доме меня честили, кроме сестры, разве не хуже побоев? Вы забыли тогда, что вы отец мой; я теперь забыл, что я ваш сын. Мы поменялись только ролями... Теперь, я здесь в доме господин и повелитель... да, повелитель!

Кремонов. Послушайся хоть голоса совести.

Аполлон Павлович. Совести? ха, ха, ха! я до сих пор не знал этой госпожи в лицо. Право, смешно, батюшка, в ваши лета это говорить! Какая совесть у того, кто решается на такие дела?.. Вот вам мое последнее увещание. Пока вы меня слушались, дела шли и идут хорошо, прекрасно, как нельзя лучше. Ну, потяните еще немножко шнур, которым я правлю... еще,— и с Богом!

Кремонов. С Богом?.. с Богом?.. Ужасно!..

Здесь, наверно, нет Его. Умоляю тебя, другой мой, мой благодетель, если не хочешь называться сыном моим... в последний раз кончим, уничтожим орудия, все, все в прах... сожжем и дом, где производилась... Еще время... жених твоей сестры не приехал... Нет подозрений, честные люди, ни правительство еще не следят нас. Чего нам более? Мы и потомство наше обеспечены, как богатые люди...

Аполлон Павлович. Потомство мое в моем уродливом я; а границы этого я еще не отмежеваны. Ба! что-то скажет разве будущность!

Кремонов. О тебе-то я и хлопочу столько же, сколько и о себе.

Аполлон Павлович. Жаль, что я этого не слышал за год с лишком назад.

Кремонов. Каюсь, я был виноват перед тобой... Нет мне оправданий. Теперь ты с твоим умом, с твоею прозорливостью...

Аполлон Павлович. Благодарю покорно.

Кремонов. Исправь мою вину и остановись на краю новой пропасти. Итак, в последний раз...

Аполлон Павлович. Буди по-вашему — в последний раз.

Кремонов. Обещаешься?

Аполлон Павлович. Обещаюсь, обещаюсь...

Кремонов. И бедного Каспара освободить?..

Аполлон Павлович. Освободить, освободить уж, конечно... Неужли мне из него ветчину коптить!.. Кончен ли наш торг?

Кремонов. Дай слово исполнить это теперь же... ко дню рожденья Веры... Утешь меня, осчастливь... Может быть, мне самому осталось недолго жить.

Аполлон Павлович. Хорошо... только не нынче... нынче было бы безрассудно... надо приготовить... а скоро, очень скоро... однако ж, не надо терять золотое время... Вспомните, что я ко дню рождения моей дорогой сестрицы выработал 300 душ и прочее и прочее. Надо же выручить денежки за них.

Кремонов (*грустно качает головою и садится на стул.*)

Аполлон Павлович (*в сторону*). Снова в битву против судьбы!.. Vas, банк! пасть, так пасть, миллионером! (*Подходит к Шафу.*) Добрый день, приятель!

Шаф. День?.. Разве здесь бывают дни, милостивый господин?.. Для меня одна нескончаемая ночь.

Аполлон Павлович. Ночь, день, часы, это только пустые слова, Каспар Иваныч; во времени их нет. Впрочем, мы иллюминуюем твою ночь. *(Зажигает несколько свечей; за занавеской лица становятся в такое положение: Кремонов то сидит на стуле, то прохаживается в раздумье по авансцене, то ложится на постель Шафа. Шаф и Аполлон Павлович по временам показываются из-за занавески.)* Какой же обед я приготовил тебе нынче! цыпленок — деликатес, вино — нектар!

Шаф. Лучше б уморили меня голодом.

Кремонов. Утешься, добрый Каспар: сын мой обещает выпустить тебя скоро на свободу.

Шаф. О когда бы так!.. Жена, дети, мир Божий, я вас опять увижу — опять я буду свободен. И в самом деле, пора, Аполлон Павлович. Условие мое было на шесть месяцев. Бедность, кровные нужды, мысль, что я составлю счастье моего семейства, заставили меня решиться, я исполнил условие, как честный

немец; но вы... извините, милостивый господин, вы поступаете со мной неблагородно: срок давно кончился, и я здесь...

Аполлон Павлович. Ты знаешь причину, любезный Каспар Иваныч: помнишь — мыши... Кто ж это предвидел?.. Жаль, мышей-то мы и пропустили в условия. Ну, ты такой добрый, честный немец... Ты сделал нам одолжение, и мы не останемся неблагодарны: к семейству твоему посланы 10 тысяч; доволен ли прибавкою пяти?

Шаф. Воли, воли прошу я, господин, а не денег. Деньги заменят ли мне воздух, свободу, семейство, все, что я имею там на земле?

Аполлон Павлович *(будто не слыша его слов)*. Помоги-ка, добрый друг... Ты такой искусный механик.

Шаф. Здесь потеряешь и смысл человеческий. Духота, мрак, тоска давят меня, сокрушили мои кости, сердце изныло... видите, каков я стал... *(Показывает свои руки.)* Я не выдержу еще недели... Если долее, готов лучше на плаху... умоляю вас именем Создателя нашего, общего нашего Судьи и Отца, выпустите меня из этого заточения.

Аполлон Павлович. Я уж обещал батюшке; ты мне более не нужен.

Кремонов. Верь, он исполнит свое слово.

Шаф. Поклянитесь именем Бога.

Аполлон Павлович. Ну, пожалуй.

Шаф. Клянитесь им, страшным именем Бога!

Аполлон Павлович. Да... им... клянусь.

Шаф. Нет, нет, милостивый господин, на вашем языке имя Бога, а в голове, в сердце вашем нет Его.

Аполлон Павлович. О, это слишком дерзко! Не настроить же мне свой голос на твою дудку.

Шаф. Докажите ж, что вы клялись в правде: возьмите меня нынче же с собою.

Аполлон Павлович. Ты вовсе одурел, Каспар. Надо ж поосторожней приготовить твой выезд. Разве хочешь погубить себя и нас с тобою? Я дал слово тебе и батюшке, и свято исполню его. Дня три-четыре и... уходи, ускочи от нас, улетай, хоть к черту!

Шаф. Не сердитесь же, милостивый господин, верю, верю.

Аполлон Павлович. Давно бы так. Расска-

жи-ка нам лучше о твоём житье-бытье, на... какой бишь реке?

Шаф. На Рейне, первой реке в мире. Какое там небо! какое тепло! как весело ластятся виноградные лозы к стене нашей хижины!.. И теперь в глазах мерещатся они... солнышко играет на яхонтовых кистях...

Аполлон Павлович (в сторону). Вот так лучше. Пускай померещатся.

Шаф. И теперь, как будто вижу кирку нашу: золотой петух словно хочет оторваться от шпилья и улететь на небо... (*грустно*) а подле кирки кладбище... там покоится прах моего отца... над могилой его каштановое дерево свесило густые ветви... (*Задумывается.*)

Аполлон Павлович. Ну, а женочка у тебя, чай, прехорошенькая?

Шаф. Настоящая роза. Так и звали ее в деревне.

Ах! милостивый господин, кабы вы знали, как она добра, как меня любит: четыре года прошло с нею, словно один день в раю. А детки...

Кремонов. Сколько ж их у тебя?

Шаф. Трое, дочь и два сына: Луиза, Франц

и Генрих... настоящие амурчики!

Аполлон Павлович. Ну, на каждого прибавлю по пятисот.

Шаф. Благодарю (*задумывается*). Ангелы мои, добрая моя Гретхен, мать-старушка... живы ли еще?.. И я мог вас покинуть?.. Нужда, нужда, чего ты не делаешь! Кабы вы знали, на какое ужасное дело я решился, чтоб видеть вас счастливыми... (*Плачет.*) Отпустите же меня ныне, Аполлон Павлович.

Аполлон Павлович. Я не прочь, только надо подождать.

Шаф. Боже, Боже мой! будь моим ходатаем... (*Становится на колена.*) Умоляю вас; сжальтесь надо мною... вспомните, что меня ждут старушка-мать, жена, трое детей... обнимаю ваши колена... целую ноги ваши.

Аполлон Павлович. Я сказал.

Кремонов. Разве с нас недовольно? Сжальтесь...

Аполлон Павлович (*молчит*).

Кремонов. Тронься, каменное сердце, участью этого несчастливца... Подумай: полгода в этом погребке... Хоть одно доброе дело, и в день страшного суда, на весах Бога, оно поло-

жено будет на выкуп твоих грехов.

Аполлон Павлович. Я сказал.

Кремонов. Так мое проклятие...

Аполлон Павлович. Я сказал. Полно-те, ба-
тюшка, с своей трагикомедией! Не угодно ли
наверх? — Вспомните-ка лучше, завтра день
рождения вашей Веры. Угодно ли будет по-
здравить ее от имени отца, делателя фальши-
вой монеты, и убить ее именно в этот день,
или дать мне волю с Каспаром. Важность ка-
кая, грошовому немчуре потрудиться здесь
лишний месяц. *(Гасит свечи и берет фонарь.)*
Угодно ли вам за мною? *(Отворяет дверь,
отец следует за ним.)*

Явление II

Шаф *(один).* Есть Бог, и злодей будет нака-
зан... А ты, Каспар, разве не участник их зло-
деяний, разве не такой же фальшивый монет-
чик? Нужда, дети, скажешь ты в оправда-
ние?.. Нет, нет, никакая цель не изменяет зло-
действия. Лучше б погибнуть мне телом, погиб-
нуть детям, жене, чем пускаться на такое
ужасное дело, чем погубить навеки душу

свою... Господи! взгляни милосердным оком на мои несчастья, порази меня Своими громами, но хоть за мои страдания пощади невинных.

Грете, милые дети, матушка, над вами всходит теперь солнце; Рейн течет перед глазами вашими во всем великолепии своем; может быть, в эту самую минуту вы гуляете по саду, чистые делами и помыслом, вы спокойны и радуетесь, а я... под землю, в склепе, и с совестью злодея... И там, на свете, вы, может быть, отворотитесь от меня (*плачет*).

Хоть раз бы еще взглянуть на них и потом умереть! Но где надежда освободиться?.. Знаю, что есть отсюда другой выход: об этом проговорился раз Мошнин... но здесь нигде не видать такого выхода... осмотрю еще хорошенько свою тюрьму, перегляжу каждый камешек, каждую щель, каждый гвоздик... А если найду выход? куда он поведет меня?.. Не прямо ль в руки горбуна, или в западню?.. Что бы ни было, надо искать спасения или смерти.

Явление III

Утро, сад; посреди его павильон. На правой

стороне небольшое здание; от него идет решетка с воротами. На левой стороне двухэтажный барский дом с террасою в нижнем этаже, ближе к авансцене; в конце этого дома башня. За решеткою видна толпа народа.

Аполлон Павлович сходит с террасы к воротам сада и ласково кланяется народу. При появлении его слышны голоса в толпе: «Вот родимый наш! Батюшка! Кормилец! Отец наш! Дай Бог ему многие лета здравствовать!»

Аполлон Павлович. Благодарю, благодарю, друзья! Есть ли тут из чужих деревень мужички?

Несколько мужиков и баб (кланяются). По милости твоей, сударь, званы на хлеб-соль твою.

Аполлон Павлович. Смотрите же, наши, гостей не забывай! Всего вдоволь им!

Несколько мужиков. Слушаем-ста, батюшка Аполлон Павлыч.

Аполлон Павлович. Где погорелые из Шемшурина? (Являются два старика и один пожилой крестьянин.) Сестра жалует вам на

постройку изб и заведение двести рублей.

Старики. Денно и ночью будем молиться за тебя, отец наш.

Третий. Продли, Господь, живота твоего на многие лета, кормилец наш!

Аполлон Павлович. Не за меня, а за сестру молитесь, она вам жалуется.

Крестьянин. За тебя и сестрицу твою, ба-тюшка. Без тебя бы до нас не дошло.

Аполлон Павлович. У которых был скотский падеж? *(Являются несколько крестьян и крестьянок.)* Вам сестра жалуется триста рублей на завод скота *(крестьяне и крестьянки, получивши деньги, падают ему в ноги)*. Вы знаете, я не люблю этого, добрые мужички; я запретил это... Одному Царю Небесному да земному подобают земные поклоны.

Слышно со всех сторон: «Благослови его Господь!» Двое слуг приходят с кошельками и, по приказанию его, бросают деньги в народ. Слышны за оградю восклицания: «Многие лета новорожденной! Многие лета матушке и всему боярскому дому!» Аполлон Павлович скрывается в толпе народной.

Явление IV

Кремонов (*один; он выходит из дома с правой стороны*). Ныне 13-е число, день рождения дочери!.. роковое число!.. 13-го смерть жены моей! 13-го числа, восемнадцать месяцев тому назад, я решился на ужасное дело... день, записанный кровью на душе моей, хотя в него не было пролито крови. Но — будет!.. Головы нашей гидры начинают расти, надо будет отсекать их... Бедственный день! с него не знаю, что такое спокойный сон; каждый кусок напитан желчью, в каждом человеке таится враг; что шаг — то пропасть. Я чахну, я таю видимо: живой скелет!.. Муки нестерпимы! Вот и теперь, когда несучи дочери дарственную запись, лишь только вздумаю, какими путями она приобретена, по коже пробегает мороз, сотни ножей ноют в сердце моем. Каждая буква на этом листе говорит мне: ты даришь чужое добро, делатель фальшивой монеты!.. Есть ли имя позорнее этого? какими делами смоешь его? Добро это куплено на деньги, похищенные у государя, у отечества, у

ближних... Я — вор... Нет другого имени в душе моей!

Роковой день! дорого бы дал, чтобы воротить тебя... Слабость, непростительная слабость!

Что ж было делать?.. Идти в тюрьму, это бы еще не беда; но поручить благодетельному призрению дворян мою дочь, мою Веру... нет, нет, этого нельзя было вынести! (*Показывается Вера Павловна на террасе.*) Вот и она!.. бывало, я благословлял ее, а теперь... боюсь... руками, которые делают... все равно, что окривленными. (*Вера Павловна сбегает с террасы навстречу отцу.*)

Явление V

Кремонов и Вера Павловна. Она бросается в объятия отца.

Кремонов. Поздравляю тебя, милая, бесценная Вера! Господь да благословит тебя своими милостями и наградит счастьем, которого ты вполне достойна!

Вера Павловна. О, я теперь совершенно счастлива!

Кремонов. Знаю, чего не достает для полного твоего счастья... Но Бог не без милостей. Кампания кончилась; жених твой здоров и нас не забыл. Сейчас я получил письмо от него. Александр пишет, что уволен в чистую отставку полковником и на днях прискачет к нам, чтоб узнать решение судьбы своей.

Вера Павловна. Боже мой, чем даришь ты меня нынче!.. Батюшка, теперь могу смело сказать: сердце мое никогда не переставало любить Александра и боялось только обстоятельств.

Кремонов. Теперь мы и по состоянию равны. А чтобы навсегда обеспечить тебя от обстоятельств, вот тебе подарок от меня и брата твоего.

Явление VI

Те же, Аполлон Павлович и мальчик.

Вера Павловна (*принимая бумагу от отца и пробежав ее глазами*). Что это? подарок в 300 душ?.. (*Целует его.*) Но... вы не затрудняли себя этим подарком?.. Батюшка, друг мой, не сделали ли долгу для меня?.. На чистые ли

деньги?

Кремонов. Нет, нет, я не делал долга... все куплены на... свои... Благодарю за все брата. Вот и он с поздравлением... *(В сторону.)* Кабы знала, на какие чистые деньги!.. *(В это время вбегает мальчик лет восьми, одетый амуrom.)*

Аполлон Павлович *(целует сестру и подводит мальчика).* Вот этот божок поздравит тебя лучше нас, смертных.

Вера Павловна. Сережа, это ты, мой милый?

Мальчик *(смешавшись).* Нет, не я, не я... *(Обращаясь к Аполлону Павловичу, грустно.)* Что ж мне делать? Узнали.

Аполлон Павлович. Худой амур, который робеет и не умеет прикидываться! Где же у тебя бумажка?

Мальчик *(подает Вере Павловне письмо).*

Аполлон Павлович. Этот подарок, наверно, дороже наших.

Вера Павловна *(развернув письмо).* Подпись Лизы Радугиной. *(Читает вслух дрожащим, прерывающимся голосом.)* «Александр... приехал... Мы сейчас...» *(Обращается к отцу.)*

Батюшка, он здесь... он сейчас будет... Господи, Господи! в состоянии ли я снести все, что ты мне нынче посылаешь... (*Брату.*) Милый брат, как и чем отблагодарить тебя?..

Аполлон Павлович. Когда этот мальчик оборотится в Гименея, не забыть дружбы.

Вера Павловна. О, никогда, никогда! могу ли забыть, чем тебе обязана? Твоими трудами, твоими заботами, мы пришли от бедности к довольству, батюшка на старости лет успокоен.

Кремонов (*в сторону*). Не дай Бог никому такого спокойствия!

Вера Павловна. А я... я уж не могу хорошенько объяснить все, что ты для меня сделал. Какой прекрасный для меня день! (*Слышен стук экипажа.*) Однако ж кто-то подъехал к крыльцу.

Аполлон Павлович (*смотря в окно*). Это он. У сердца, видно, тонкий слух.

Вера Павловна. Боже, поддержи меня! Сердце так и хочет выскочить! (*К концу явления мальчик уходит.*)

Явление VII

Те же, Радугин и Елисавета Андреевна.

Кремонов (*идя Радугину навстречу*). Александр Андреевич...

Радугин (*обнимая его*). Мой почтеннейший друг! Смею ли сказать по-прежнему, милая Вера Павловна!

Вера Павловна (*подает ему руку*). По-прежнему, Александр...

Радугин (*целует руку Веры Павловны*). Милая, бесценная Вера Павловна. И вы не забыли меня? Вы не переменились ко мне?

Вера Павловна. Разве можно перемениться? В моей ли это воле?

Радугин. Целых два года не видаться... ужасное время!.. целая вечность!

Вера Павловна. Помню, были два грустные, несносные года; но теперь, когда вижу вас, они представляются мне словно во сне. Мне кажется, только и было в моей жизни: первая минута нашего знакомства на бале у Солнцева и настоящая минута.

Радугин. О, как я счастлив!.. Нет слов выразить. Дайте ж мне теперь насмотреться на вас, налюбоваться вами!.. Как верно ни сохра-

нял я, в эти два года, черты ваши в моей памяти и сердце, но вы все-таки лучше, чем представлялись моему сердцу и памяти. Видно, вы с каждым часом хорошели. Теперь от Павла Иваныча будет зависеть вполне нас осчастливить.

Кремонов. Выбор ее сердца я давно утвердил. По письму вашему вижу, что вы не переменили своих отношений к нам. И так, без дальних объяснений, да благословит вас Бог вместе со мною! *(Радугин целует у Веры Павловны руку.)*

Елисавета Андреевна *(которая до сих пор дружески беседовала с Аполлоном Павловичем).* Позвольте мне напомнить вам, любезнейший братец, что вы, в чаду ваших нежностей, забыли вовсе приличия. И вам выговор, любезная Вера Павловна! Александр, рекомендую тебе брата твоей невесты.

Вера Павловна. Виновата.

Кремонов. Виноват, это я должен был сделать.

Радугин *(бросается обнимать Аполлона Павловича).* Вместо всех рекомендаций, полюбите меня, как брата, как друга.

Аполлон Павлович. Счастлив буду, если заслужу вашу родственную любовь.

Радугин. Все, что вы делали для своих, доказывает, что вы не будете чужды и новых ваших родственных связей.

Аполлон Павлович. Что такое мог я сделать для своих, чего бы не сделал другой на моем месте!

Радугин. Не скромничайте, я все знаю. В Петербурге, в здешней губернии и в соседних, чужие и родные, тетка, сестра, все говорят о трудах ваших как об диве. Вот слова молвы: «Павел Иваныч сделался стар, прихварывать начал, и потому запустил было дела свои; но как скоро Аполлон Павлович принял их в свои руки, то в полгода трудами необыкновенными, оборотами, заботливостью, хозяйственным гением, для которого также надо родиться, привел дела в цветущее положение».

Аполлон Павлович. Всегда молва любит преувеличивать худое и хорошее. Лишнее говорили насчет расстройства наших дел, теперь и об устройстве их. Много точности и немного энергии, вот мои заслуги.

Радугин. Прибавьте и горячую любовь к родным. Говорят, вы и ночи мало спите... Для кого ж, как не для отца, для сестры, тратите свое здоровье!

Аполлон Павлович. Кто прочел в сердце человеческом? Может быть, на дне этого колодца найдете один эгоизм.

Радугин. Позвольте вам не верить. *(Обращаясь к Павлу Ивановичу.)* А чтобы не откладывать долее счастья вступить в такое дорогое семейство, я буду просить вас, Павел Иванович... *(Дает знак сестре, чтобы они удалились, жмет руку своей невесты.)*

Елисавета Андреевна *(тихо Вере Павловне).* Оставим их одних. Пойдем-ка под тень освежиться: ты вся горишь!

Вера Павловна Мудрено ль!

Радугин. До свидания, милый друг!

Елисавета Андреевна. Да скоро ли выдадут меня замуж? Ведь это должно быть презанчительно и превесело. *(Уходят; вслед за ними и Аполлон Павлович. Кремонов и Радугин направляются к дому с левой стороны.)*

Радугин. Два мучительных года я был женихом вашей дочери. Сколько я выстрадал в

это время! каких опасностей для себя не придумал! Вознаградите меня теперь за эти муки, за эти страдания, назначив скорее день, когда я могу назвать Веру Павловну моею перед лицом Бога и людей.

Кремонов. И для меня, чем скорее, тем лучше. Здоровье мое ненадежно. Кто поручится, что завтрашний день мой? И потому я желал бы хоть несколько времени насладиться счастьем дочери.

Радугин. Почему ж и без тревожных мыслей не исполнить нашего общего желания? Что ж через месяц и свадьбу?

Кремонов. Согласен, но есть обязанности у отца, о которых нам удобнее говорить в доме. Милости просим. *(Уходят через террасу в дом.)*

Явление VIII

Вера Павловна, Елисавета Андреевна и Аполлон Павлович. Вера Павловна и Елисавета Андреевна гуляют по саду: то показываются на сцене, то скрываются между деревьями; Аполлон Павлович следит за ними, не отделяясь от дома.

Елисавета Андреевна (у башни). Зачем не сломают этой старой, мрачной башни? И окошечко-то в ней точно в тюрьме! Зачем не срубят этих угрюмых вязов, которые с нею так дружны? Они на меня всегда наводят скуку.

Вера Павловна. Извини, это вкус моего брата. Он говорит, что в этой башне и деревьях много поэзии.

Елисавета Андреевна. Поэзия Юнга! Признаюсь тебе, я не люблю ничего угрюмого и старого. То ли здесь?.. все так молодо, все так улыбается *(скрывается между кустами.)*

Аполлон Павлович. Меня хвалят, благословляют меня! Я устроил счастье крестьян, благосостояние домашних, счастье сестры... и если б не ты, змея подколодная, шевелилась в груди моей, если б не ты, сова полуночная, завывала здесь днем и ночью, я также был бы счастлив! По крайней мере, я имею понятие, как человек наслаждается благами жизни, узнал, хоть издали, что такое делать добро... Я этого не знал прежде! *(Задумывается.)* Кабы это было все чисто, не отравлено!.. Нет, это не был мой удел!.. Вот и теперь, когда все вокруг

меня радуется, кроме участников моего преступления, я сам, творец их радости, стою здесь на страже: не откроет ли эта башня свои недра, чтоб рассказать тайны свои, прислушиваюсь, камень не заговорит ли против меня... Сердце невыносимо замирает... полно, перестану... послушаю отца... кончу, разорю все..., отпущу бедного Шафа на волю...

Елисавета Андреевна (*бежит за бабочкой к башне*). Воля твоя, я мотылька поймаю — такой хорошенький! Настоящий гусарчик, и стянут, и с усиками, и в блестящем ментике.

Вера Павловна. Перестань, не мучь бедняжку.

Елисавета Андреевна. Хотя немного подержу в плену, и отпущу; так приятно ловить!

Аполлон Павлович (*с беспокойством следя за ней глазами*). Что делает эта вертушка у башни? Зачем нелегкая ее туда занесла? А! что-то стукнуло?.. Еще...

Елисавета Андреевна (*оглядываясь*). Не вы ли, любезный Аполлон Павлович, забавляетесь пускать в меня камешки?

Аполлон Павлович. Кто?.. я?.. я... и не ду-

маю...

Елисавета Андреевна. Да вот и billet-doux! (Поднимает что-то с земли и показывает камешек.) Хороша конфетка! (Развертывает бумажку.) Писано, видно, в большом душевном волнении... какие-то чудные каракульки!.. на какой-то красной бумажке... точно ассигнация...

Аполлон Павлович (бросается через кусты и цветы, топчет все ногами и прямо к Елисавете Андреевне, у которой вырывает бумажку из рук).

Елисавета Андреевна (вскрикнув, бежит к Вере Павловне). Ай!.. Защити, он... убьет меня.

Вера Павловна (прижимая к себе подругу). Что с тобою, Аполлон?.. Ты в каком-то исступлении... опомнись.

Аполлон Павлович. Да... я обезумел... простите меня, простите... я вам объясню... это я некогда... писал... это тайна... но когда-нибудь расскажу... Вероятно, мальчишка дворовый нашел... изволит забавляться!.. Я дам ему забаву!.. Простите, еще раз, простите, милая добрая, Елисавета Андреевна. Забудьте этот случай... ради Бога, не говорите об нем вашей...

му брату...

Елисавета Андреевна. Не понимаю ничего, но если тут кроются серьезные тайны, нельзя не простить... Однако ж не забуду еще дня два, потому что мне напомнят мои изломанные пальцы... Вы точно бешеный самозванец Сумарокова!..

Аполлон Павлович. Да, бешеный, безумный, все, что вы хотите, но только не помните зла, ангел во плоти!

Елисавета Андреевна *(подавая ему руку)*. Забвение всего и мир неразрывный!

Аполлон Павлович *(сестре на ухо)*. Прошу тебя, удалитесь... я так смущен, что ваше присутствие меня убивает... хотел бы хоть провалиться в землю.

Вера Павловна *(увлекает подругу)*.

Елисавета Андреевна *(дружески кивнув Аполлону Павловичу)*. Ну если эта записка была?.. Ужас приятно!.. *(Скрываются.)*

Явление IX

Аполлон Павлович *(развертывает бумажку)*. Рука Шафа... его злодейская рука!..

(Читает.)

«Сжальтесь над несчастным страдальцем. Шесть месяцев томлюсь в этой башне, в душном подземелье... здесь совершаются дела ужасные, которых я невольный участник: здесь делают... Пускай схватят горбуна... все откроют... Вы получите награду от правительства...»

Дошло же послание по верному адресу!.. Дурак! сам на себя наложил новую петлю и, может быть, мертвый узел... А я думал еще освободить его!.. Не для того ль, чтоб эту неподвижную трещотку сделать ходячею, чтобы в нашем золоте, в наших перьях гулял этот герольд и трубил о делах наших? Нет, дитя, запой-ка лучше свою колыбельную песнь о Рейне, матери-сырой земле, и усни сам под эту песню сном непробудным!

АКТ III

Старинный господский дом, с стриженной Саллеей; на конце пруд; крестьянки в праздничных нарядах, группюю; впереди сцены стол, на котором огромная суповая чаша, стаканы, графины, бокалы и закуска. Множество слуг и дворовых девок в различных одеяниях, как водилось в старину в беспорядочных господских домах.

Явление I

Громодерин и Курилкин. Сидят за столом и ведут попойку.

Курилкин. Почему я не муха?

Громодерин. Потому, что ты человек.

Курилкин. Знаю, да почему я не муха?.. Окунулся бы в стакан пунша, да и утонул бы в нем.

Громодерин. Браво!.. правда, когда бы не вино, гадкое житье на свете!.. Ну, бабы, задремали!.. Эй, Дуная!

Крестьянки составляют кружок; одна из

них надевает мужскую шляпу и ходит посредине хоровода; хор затягивает песню:

Как пошел наш молодец
Вдоль по улице в конце,
Ой, Дунай ли, наш Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Ах! как звали молодца,
Позывали удальца,
Ой, Дунай ли, наш Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Как во пир пировать,
Во беседушку сидеть,
На игрище поиграть,
Ой, Дунай ли, мой Дунай,
Сын...

Громодерин (махая рукой). Завыли! полно!.. полно!.. Настю сюда, злодейку Настю. (Слуга подзывает молодую, пригожую крестьянку; она отговаривается.) Проворней!.. не то... (Слуга подводит крестьянку; Громодерин дает ей поцелуй, потом свою руку поцеловать и вынимает из бумажника белую ассигнацию.) Вот тебе за боярский поцелуй! (Обращаясь к Курилкину.) Кой черт! братец, не работы ли горбунчика?

Курилкин (пожимая плечами). Сомни-

тельная.

Громодерин. Ну да в нашем краю сойдут с рук! *(Отдает другую бумажку.)* А что ни говори, братец, скучно жить на свете. Эй! Гаврюшку да Соньку! славно разбойница поет под бандуру. Да кларнетистов!

Входит с бандурой молодой, красивый, бойкий парень, в сером армяке, между тем как жилет и прочее платье, довольно щегольское, обличают в нем дворового человека; за ним дворовая пригожая девка, богато одетая, но грустная; подле них становятся два кларнетиста: один с подбитым глазом, с красным носом.

Курилкин. Что это у тебя, Гаврюшка, под наказанием?

Громодерин. Дурь вошла в голову; любил Соньку, а она его, да я-то не любил; за эту страстишку задавал порядочную, страсть, да нейметса: хочу в солдаты. Ну-ка заливную, про амуры ваши! Лихо, братец, поет, так и тянет за душу! *(Певцы переговариваются с музыкантами. Указывая на Гаврюшку.)* Ведь он у

меня грамотник, свою охотой, собака!..

Певцы поют:

*Смолкни, смолкни, молодой ям-
щик,
Мимо наших окон едучи;
Груди белой не надсаживай:
Сердце без тебя дивно болит.*

*Со востока пыль поднимется,
Запоет-то мой пригожий друг:
Он разбудит ночку темную,
Встрепенется алая заря.*

*Он зальется, словно реченька
Говорит в бегу по камышкам;
Он застонет, словно горлица,
Что воркует знойно во саду.*

*Будто чарами недобрыми
Песни те заговорил:
Сердце хочет выскочить от них,
Просится к нему душа моя.*

*Чу! запел он... припади к земле,
Ветер буйный, гость докучливей,
Замолчи, валдайский колокол:
Дайте мне послушаться его.*

*Ах, прости, прощай, родимая!
Убегу, куда потянет песнь.
Пропадай, моя головушка,
Воля моя, воля девичья!*

Громодерин. Прочь!.. И без вас тошно на свете... *(Пьет и обнимается с Курилкиным.)*
Народ! умирать! *(Все кругом Громодерина падают на землю.)* «Жить и пиво варить!» *(Все встают и поют.)*

*Мы с этого пива опять встанем,
Ладо, мое Ладо, опять встанем.
Мы с этого пива в ладоши ударим,
Ладо, мое Ладо, в ладоши ударим.*

(Бьют в ладоши.)

*Теперь, с этого пива, все передеремся,
Ладо, мое Ладо, все передеремся.*

*Женщины и мужчины все перемешиваются
и под лад музыки толкают друг друга.*

Курилкин. Ха, ха, ха!..

Громодерин. Довольно! по местам! *(Все расходятся на свои места. К концу этой игры приезжают Останов и Сотов и становятся в отдалении.)*

Сотов. Боярские увеселения!

Останов пожимает плечами.

Громодерин. Докажи дружбу, задушевный, любовую! *(Пьют и обнимаются и таким образом подходят к пруду.)* Хочешь, братец, докажу и я дружбу: брошусь для тебя в пруд!

Курилкин. Докажу и я: за тобой умирать, так умирать вместе. *(Хотят броситься в пруд, люди их удерживают; слышны колокольчики и бубенчики; сходятся гости один за другим.)*

Явление II

Те же, Останов, Сотов, Пурьшков, Козявкин, Тузин, Переметкинский и Македонский.

Останов. Посмотри, наш Орест и Пилад где нашли умирать — в воде!

Сотов. Да, это не их стихия. Пойдут, как

ключ, ко дну. А была, видно, попойка порядочная. Неужели в этой оргии мы выберем себе исправника?

Останов. Что ж делать, для успеха нашего дела надо с волками повить.

Сотов. По-моему, чем волков тешить, надо их бить, где ни попадутся.

Останов. О, это не так легко, как ты думаешь по-своему, по-столичному! Эти гуси люди богатые; половина уезда им должна... задают пиры, купайся в вине по колено!.. в губернский город шлют обозы. Тут не много сделаешь!

Громодерин. Ну, до другого дня. *(Увидав гостей.)* Милости просим, милости просим, дорогие гости! Эй! малый, наливочки! Народ — долой. *(Толпа крестьян и дворовых удаляются. Подают наливку. Останов пьет, Сотов отговаривается.)*

Громодерин. Видно, не старого закала! Такой же хрустальный, как и Радугин, гвардеец и гордионец.

Сотов. Прошу о Радугине ни слова худого. Этот хрусталь обделан в таком огне, в каком вы не бывали — его с гордостью можно упо-

треблять и за царской трапезой.

Громодерин (*мигая вошедшему Македонскому*). А, господин секретарь суда? как думаешь?

Македонский. Прошу послушать, господа! Дело криминальное.

Останов. Ну, полно, господа, разве мы приехали для ссоры? (*На ухо Сотову*.) И тебе охота связываться с пьяным?

Сотов. Однако ж к этому пьяному мы приехали трактовать о деле целого дворянского сословия.

Пурьшков (*раскланиваясь, Громодерину*). Я не мог преминуть сей верной оказии, чтоб не засвидетельствовать вам моего нижайшего почитания.

Громодерин. А, здорово, всеобщий опекун! Говорят, славную старушку подцепил! Что выторговал-таки духовную?

Пурьшков. Не даром, батюшка! три года ходил около постели хворой.

Сотов. Утешитель духовный и телесный!.. Не безделица! Кто, кроме вас, взял бы на себя труд возиться с этим тряпьем?

Курилкин. В это тряпье завернуто золото,

мой милый!

Сотов. Милый твой?.. Ошибся, видно, голубчик! *(Курилкин махает рукой.)*

Останов *(на ухо ему)*. Ай, ай, какой ты задорный!.. Да утомонишься ли, братец?

Сотов. Он может так говорить с лакеем своим, или кто себя доброй волей запишет в его лакеи.

Козявкин. Здравствуйте, честная компания! Го, го, умора! Побился об заклад с Аполлоном Павлычем, что мой кривой иноход обгонит его тысячного рысака на трех верстах. Что ж, на одной версте засыпал его пылью. Правда, околели две пристяжные; пристяжных кучера долой... черт знает, не переломили себе ребра? да зато батюшка коренник честно вывез — не ударил меня лицом в грязь.

Громодерин. А что закладу?

Козявкин. С его стороны тысячный рысак и две сотни придачи, с моей иноходец и та же придача.

Курилкин. Что ему, горбуну? Плевое дело! у него, чай, в обоих горбах набиты ассигнации.

Громодерин. За здоровье батюшки-коренника!

Несколько голосов. За здоровье батюшки-коренника! *(Все пьют, кроме Останова и Сотова, которые занялись жарким разговором.)*

Сотов *(Останову)*. Дети, достойные отца!

Громодерин *(мигая на них)*. Ой, вы, иезуиты!

Македонский *(униженно подойдя к Курилкину и потирая ладони)*. Ваше высокородие проговаривали что-то об ассигнациях и горбуне.

Курилкин. Ну, да, братец.

Македонский. Верьте Богу, все пустые слухи... злых людей не оберешься в наше время!.. Я за него готов идти к крестному целованию... А не ровен час, как ваше словечко поймают да пустят в ход... да как на деле не докажете... Вы сами изволите ведать, ложному доносчику... осмеливаюсь доложить из глубочайшего желания добра особе вашего высокородия.

Курилкин. И впрямь спасибо!.. Спасибо!.. пришли, родной, за овсецом-то. Подводы у тебя ведь ненанятые!

Македонский. Помилуйте, разве я из интересу, лишь из усердия...

Громодерин (*обнимая вошедшего Тузина*). Хорошо, дружище! в воскресенье откусать нашего хлеба-соли не приехал.

Тузин. Виноват, любезный, пробовал новую осетрину.

Громодерин. А у меня какая солонина духовая была! Чудо! деликатес!

Тузин. Солонина!.. Ах, Боже мой, солонина!

Громодерин. И стерлядка аршинная.

Тузин. И стерлядь. Да я хлеба лишусь на целую неделю. Лучше б не говорил, ночи не засну, все будут мерещиться солонина да стерлядь, стерлядь да солонина.

Громодерин. Ну, да, мы поправим скоро это дело.

Сотов (*на ухо Останову, показывая на Переметкинського, стоящего подле них*). Это что за новое лицо?

Останов (*тихо Сотову*). Татарин или жид, черт знает! Досталось ему здесь какое-то именище, служил аферистом у наших и ваших. (*Обращаясь к прочим.*) Полноте, господа, из пустого в порожнее переливать; пора за дело.

Сядемте-ка и потолкуем... Вспомните, через три дня дворянские выборы. Судьи и прочие члены судов назначены; ныне хотели назначить исправника.

Громодерин. Да, да, сядемте и потолкуем. Эй! Филька, наливки! *(Все садятся в полукруг, кроме Македонского, который становится за стулом Курилкина.)* Что ж ты!

Македонский *(кланяясь)*. Я и постою-с.

Курилкин. Кого ж бы нам выбрать?

Громодерин. Есть один гусь на примете... рангу полковничьего... гвардионец... Надо бы проучить!.. Такой гордец, что и Боже упаси! Стариков нас и знать не хочет; приехал и визита мне не сделал — хоть бы из уважения к моему состоянию и летам!

Курилкин. Радугин! Да и у меня не был: гордион!

Переметкинский. И подступу нет ни с той, ни с другой стороны. Несносный человек!

Громодерин. На небо плюет!.. Ой, ой! Республиканец!

Тузин *(задумавшись)*. Солонина!.. Стерлядь!..

Громодерин. Эх, братец, какая тут солони-

на, мы толкуем о Радугине.

Тузин. Да, да, нехороший человек и стола с нами гнушается!

Пурьшков Что ж? Почему бы не проучить голубчика! Выбрать его в исправники.

Курилкин. Ему, чай, мало в губернаторы!

Громодерин. Пожалуй, в обер-прокуроры захочет!

Несколько голосов. Проучить!.. в исправники его!.. пускай потрет ляжку! *(Шепчут между собой и смеются.)*

Сотов. Позвольте...

Переметкинский. Не дозволяем.

Сотов смотрит на него с презрительною усмешкой.

Останов *(Сотову тихо).* Ради Бога, не мешай. Я сам, через протоколиста моего, навел их на этот путь. Меня просил новый губернатор, человек благороднейший.

Сотов. Такой же, как и прежний.

Останов. Боже упаси!.. К этому не прислала бы императрица кошелька в день именин. О, этот человек благороднейший! Он умолял меня постараться выбрать в исправники Радугина, который некогда служил в одном с

ним полку. Сказал мне по секрету: «Открывается дело очень важное по вашему уезду... Нарочно не произвожу следствия... дождусь Радугина следователем».

Сотов. В таком случае я поддерживаю вас (*громко*). И я предлагаю полковника Радугина в исправники, но не потому, чтобы мстить за личные неудовольствия: это неприлично русскому дворянину! нет, а потому, что я уверен в благородстве и твердости его правил, и ручаюсь, что он поддержит достойным образом наш выбор, защищая крестьян от незаконных поборов и бедных от угнетения. Вы хотите его унижить, а он себя возвысит своею должностью. (*Слышен ропот.*)

Останов. Позвольте мне сказать слово за Радугина. Вышедши в отставку и собираясь жениться, он должен был, тотчас по приезде своем, заняться хозяйственными делами, и потому не успел воздать должное почтеннейшим своим соседям. Я уверен, обживясь, он постарается загладить свою невольную вину. А, между тем, за тайну должен сказать вам, господа, что и сам губернатор меня об этом просил.

Несколько голосов. Сам губернатор! Сам губернатор! В исправники Радугина! решено!

Переметкинский. Честию клянусь, будет образец исправникам.

Останов. Да как же вы его давеча бранили?

Переметкинский. Ну, да вы видели, ведь надо было par samaraderie...[2]

Останов. А кто от слова своего отступится, господа, да будет тому стыдно!

Все (единодушно). Да будет стыдно!

Громодерин. Эй, шипучки! Вспрыснем заочно нового исправника!

Пурьшков. Вот и Кремоновы. Что-то они скажут о выборе будущего зятка.

Македонский. Осмелюсь доложить, и у них сильная партия — жалисты! Опасно-с, как бы не укусили-с!

Явление III

Те же, Кремонов и Аполлон Павлович.

Громодерин (обнимая Кремонова). Добро пожаловать, поздние гости!

Кремонов. Дел куча, выдаю дочь; а не смел

отказаться, мой почтеннейший друг!

Громодерин (*Аполлону Павловичу, ударяя его дружески по ладони*). Здорово, здорово, дружище!

Аполлон Павлович. Я увлек уж бабушку; мы так много уважаем вас, что готовы бросить самые важные дела, лишь бы провести несколько часов в вашей приятнейшей беседе.

Сотов (*Останову*). Только не делание...

Останов (*дернув его за рукав, на ухо*). Язык мой, враг мой!.. Даст выпить кофейку — так закусишь его.

Сотов. Боюсь я его кофейка!..

Курилкин (*Кремонову*). Здорово, родной, сколько лет, сколько зим! (*Обнимаются*.)

Громодерин. Эй, карты! Аполлон Павлыч любит бостончик.

Аполлон Павлович. Не прочь.

Козявкин (*Аполлону Павловичу*). Рысачок мой.

Аполлон Павлович. И с ним 200 рублей.

Козявкин. Помилуйте, совестно, хоть рысачка-то одного.

Аполлон Павлович. Разве вы хотите меня

дарить? я подарков не беру.

Козявкин. В таком случае не прочь и от денег (*тихо пожимая ему руку*). Прошу во всяком случае располагать мною.

Аполлон Павлович (*Пурьшкову*). Я написал полную квитанцию об опеке вашей и отослал ее в суд.

Пурьшков. Не знаю, как изъяснить вам мою благодарность, достойный муж; без вас дело проволокли бы Бог знает сколько.

Македонский (*Аполлону Павловичу, пожимаясь*). Дрожечки-то у вас, конечно, московские?

Аполлон Павлович. Арбатского. А что — понравились? Купите.

Македонский. Помилуйте, по вашим ли деньгам?

Аполлон Павлович. Заплатите мне 50 рублей, и они ваши.

Македонский спешит вынуть из бумажника деньги.

Аполлон Павлович. Пришлите прежде за дрожками, а там сочтемся. (*Македонский, униженно кланяясь, прячет деньги. Громодерин подает Аполлону Павловичу карту.*)

Аполлон Павлович (не принимая). Поми-
луйте, есть постарше меня: я возьму после.

Громодерин. Вот за это люблю молодого
человека; стариков таки уважает, не то, что
какой-нибудь шематон... (Сотов, который
стоит подле него, берет карту без приглаше-
ния; за ним Останов, Тузин и Аполлон Павло-
вич садятся за карточный стол, по временам
слышны: «бостон», «шесть в сюрсах», «вист»,
«ремиз». Прочие гости и хозяин то прохажива-
ются по саду, то попивают; Кремонов са-
дится на углу карточного стола, возле сто-
ла.)

Аполлон Павлович (Тузину). Какие балы-
ки я получил! Янтарь настоящий!

Тузин. Откуда вы это, родной, достали?

Аполлон Павлович. Это моя тайна! Угод-
но, поделюсь.

Тузин (подавая ему руку через стол). Благо-
детель!

Громодерин. А знаете ли, Павел Иванович,
мы без вас к будущим выборам исправника
назначили.

Кремонов. Кто ж удостоился?

Громодерин. Да, не взыщи, родной: твой

будущий зятек, Радугин.

Кремонов. Помилуйте, как это... (*Аполлон Павлович толкает его коленкой.*) Полковник гвардии — только что из службы...

Останов. То была служба коронная, а теперь не откажется сделать нам честь послужить дворянам.

Кремонов. Почему б... только... не успел оглядеться... свадьба... куча дел...

Аполлон Павлович (*толкая его опять коленкой и значительно взглянув*). Я уверен, Александр Андреич почтет за особенную честь исполнить желание здешнего дворянства. Он постарается доказать, что не место возвышает человека, а человек место.

Переметкинский. Ваши слова, вельможный господин, надо записывать золотыми буквами.

Аполлон Павлович (*кланяясь*). О!..

Сотов. Игра кончена.

Аполлон Павлович (*рассчитав*). От меня приходит вам 95 рублей (*вынимает из бумажника ассигнации*).

Сотов. Я ассигнаций не беру.

Останов бледнеет и видимо смущен.

Аполлон Павлович. Почему так, милостивый государь.

Сотов. Так, потому что не беру.

Аполлон Павлович. У всякого барона своя фантазия!.. В этом случае добрый хозяин поможет мне.

Громодерин. Что это за вольнодумство!.. Начитался Вольтера, да и хочет весь мир поставить вверх дном. Вы, господин Сотов, обижаете гостя и вместе хозяина. Я давно заметил, вы своей имажинацией разстраиваете нашу компанию. Не любо вам у нас, так вот вам и двери, а погорячитесь, так и не прогнавайтесь, полетите и в окошко.

Сотов (*играя перочинным ножиком, который вынул из жилета*). Прежде тот полетит на тот свет, кто осмелится наложить на меня руку.

Останов (*Громодерину*). Успокойтесь.

Сотов. Я сам за честь почитаю оставить вашу достопочтеннейшую компанию, а все-таки (*иронически*) ассигнаций от господина Кремонова не беру... (*удаляется*).

Громодерин. Эй, дворецкий! Наклади Сотову в его экипаж меди на 95 рублей. Прежде не пускать его со двора! Слышь?

Все гости (*ходят и кричат*). Браво!.. славно отделал молодца.

Переметкинский. Соломоново решение!

Аполлон Павлович. Сделайте одолжение, оставьте этого сумасшедшего. Мы с ним иначе разделаемся.

Громодерин. Нет, нет, проучить молокососа! Слышь? Меди ему на 95 рублей. Однако ж господа, дождик накрапывает, лучше под крышу. (*Все начинают уходить, один за другим, вслед за хозяином.*)

Кремонов (*тихо сыну*). Переживу ли я этот день!

Аполлон Павлович (*любуясь мимоходом цветами, громко*). Какие пышные пионы!.. жаль, облетят ныне же...

АКТ IV

Богато убранная гостиная. Вечер, блестящее освещение.

Явление I

Аполлон Павлович и Мошнин. Последний входит, осматриваясь, из боковой двери.

Аполлон Павлович (*отводя его в сторону*). Что, друг, не слышать ли чего?

Мошнин. Ни гу-гу, батенька. Все тихо, как на погосте. И кому говорить? Сотов прикусил язычок... кофеек был хорош... будет знать, кошка, чье мясо съела; все дворяне уехали в губернию на выборы.

Аполлон Павлович. Да, любезный, эти выборы дадут нам славную подмогу. Радугина, жениха моей сестры, выберут в исправники... Смекаешь, как это выгодно? А все я смастерил. Его поставил против соседей... сказал, что мужики, не стоит вести с ними компании; соседей поставил против него, надул им через добрых людей в уши: и гордец-то он, и в грош их не ценит, и хочет-то он в губернские

предводители... А они, назло ему, и давай выбирать его в исправники! дескать, низка для него должность; пускай потянет ляжку! Батюшка было и прочь, да я его остановил.

Мошнин. Недаром говорю, золотая головка! С тобой, чай, и в аду не сторишь, прости, Господи, мое прегрешение! Лишь бы поскорей окрутить сестрицу-то с Александром Андреевичем, а то и шило в мешке спрячем. Пойдет ли на свою кровь?.. А заседатели и секретари наши батраки. И понятых за ведерку приведут... понимаешь... Кто на себя руки наложит? А коли надо, и мертвый на себя покажет.

Аполлон Павлович (*идет к двери и прислушивается; возвратясь*). Теперь один Каспар нас связывает по рукам и ногам. Видно, решился погубить нас. Выпустить его на волю — все равно что на себя доказать. Ему ничего. Скажет, засадили его силой! А нам беда! Во что б ни стало, надо ему на язык мертвую петлю, и поскорей, нынче же!

Мошнин. Как бы без душегубства, батенька, прошу не прогневаться, тихим образом, то есть... нельзя ли сонного, сиречь... зельица?

Уснет себе голубчик, да и только.

Аполлон Павлович. Дело!.. вот уж сутки не давал я ему пить. Жажда не свой брат... В питье... понимаешь?

Теперь нырни куда-нибудь, а там и покажись на вечеринке... Я выйду, когда можно будет, а ты посматривай за отцом да за зятком... Отец беспрестанно следит меня... я уж будто побаиваюсь его... Ба! не потерял ли я уж волю свою?.. Зачем же и трудился!.. Нет, покуда она еще моя! покуда я господин здесь в доме!..

Мошнин. А где ж уложить почивать?..

Аполлон Павлович. Уложим... в подвале же! Из опочивальни ежедневной сделаем только вечную...

Мошнин. Как ключ ко дну. Ох, ох! подумаешь, жизнь-то человеческая на волоске висит.

Аполлон Павлович. А там... разорим, уничтожим все, чтобы и следов не осталось... смотри... (*грозит ему*) не обмани в последний раз...

Мошнин. Эх, Аполлон Павлович, разве я нехристь какой! Из веры напоследи вышел!

Ведь у меня здесь домик, жена и дети...

Аполлон Павлович. То-то же!.. Ну решено! Ступай, и приходи вовремя. *(Мошнин уходит в боковую дверь.)*

Явление II

Аполлон Павлович *(один)*. Отчего ж вдруг так сердце замерло? Я думал, решиться на это дело легко... Воображение иногда играет злодеянием, как дитя огнем, но дотронься только до него, и волосы встают дыбом. Видно, на жизни человека лежит святая печать, наложенная самим Богом: ужасно человеку сломить ее!.. А воротиться нельзя... Шаг вперед — грозное привидение с поднятою секирой, и назад — то же. Поздно робеть... Вперед, Аполлон! Крепись, и привидение исчезнет! *(Немного погодя.)* Что ж? Он уснет сном сладким; его не потревожат житейские горести... *(Слышно вдали пение.)*

*Отставала лебедь белая
От стада лебединова,
Приставала лебедушка*

*Что ко стаду серым гусям...
Не умеет лебедушка
По гусиному кликати.
Не щиплите меня, лебедя,
Ой, вы, гуси серые;
Не сама я к вам залетела,
Занесла меня погодушка.*

Люди поют, веселятся от души, наслаждаются жизнью, а я... так близко от них, под их пение иду губить подобного себе... Что разнежился больно?.. Баба!.. Отцовская кровь заговорила... Нет, мешкать нечего!

Явление III

Вера Павловна, Елисавета Андреевна, Кремонов, Аполлон Павлович, несколько подружек Веры Павловны и дворовые девушки. Во время разговора ее с подругами, Кремоновы, отец и сын, прохаживаются по комнате.

Вера Павловна (своим подругам). Благодарю вас, милые, каждой из вас желаю таких счастливых минут. Ах! Кабы вы знали, что делается в моем сердце?

Елисавета Андреевна. Однако ж любезный женишок заставляет себя ждать... Я на твоём месте отомстила бы ему после свадьбы.

Вера Павловна. На моём месте заговорила б другое. Может ли теперь придти что-нибудь злое на ум и сердце! чувствуешь только смутное блаженство, да и в том не можешь дать себе отчета. (*Садится, около нее садятся ее подруги; Елисавета Андреевна шепчет что-то горничным; они поют*):

*На речке лебедушка кликала,
На быстрой белая кликала:
Ты лети, лети, лебедь мой,
Ты лети, лети, белый мой:
Без тебя ли мне, лебедушке.
Речка не так течет,
В поле трава не зелена.*

*В тереме Верушка плакала,
В высоком Павловна плакала:
Ты иди, иди, суженый мой,
Ты иди, иди, ряженный мой,
Скорей иди, Александр господин,
Александр, сударь Андреевич!*

*Без тебя ли мне, девице,
Темно красное солнышко,
Не ясен светел месяц,
Терем не так стоит;
Без тебя ли мне, девице,
Сахарны яства на ум нейдут,
Денечек весь пасмурен,
Не спится темною ночью.*

Аполлон Павлович (*про себя*). Боюсь, чтоб она не веселилась над бездной!.. Надо спасти ее! Без жертвы не обойдется...

Кремонов (*отводя сына в сторону*). Для такого радостного дня, дай свободу бедному Каспару.

Аполлон Павлович. Дам... дам... я уж об этом и думал.

Кремонов. Ты так мрачно говоришь о таком добром деле.

Аполлон Павлович. Нельзя же!.. Надо взять предосторожности... не быть в дураках. Видите радость, счастье сестры!.. Ну, если все это рушится?

Кремонов. Если... все это рушится?!

Несколько голосов. Жених! Жених!..

Кремонов и Аполлон Павлович идут на встречу Радугину.

Явление IV

Те же и Радугин. За ним несколько молодых франтов, разодетых по бальному.

Радугин (поцеловав руку у невесты, обращается к хозяевам дома). Рекомендую вам моих добрых знакомых: все прекрасные молодые люди и танцоры до упаду.

Кремонов. Очень рад дорогим гостям, очень рад. (Молодые люди расшаркиваются и подают Кремонову руку.)

Радугин. Хотел бы сюда на крыльях ветра. Лошади мчали меня, а мне все казалось, что тащусь на клячах. Кричу кучеру: «Пошел! пошел!..» — он летит по камням и ухабам и вдруг хлоп — рессора пополам.

Кремонов (в сторону). Худое предвестие!

Вера Павловна. Не ушибся ли ты?

Радугин. Нет, слава Богу; кончилось только одною досадою на задержку. Теперь я с тобою, мой друг, и все забыл. Как хочешь, по обычаям сговора, мы здесь не расстанемся.

(Садится рядом, за ним размещаются и другие.)

Вера Павловна *(тихо пожимая ему руку).*
Ни здесь, ни там! *(Показывает глазами на небо.)*

Радугин. Да, я забыл вам сказать: в сенях стоит, пригорюнясь, бедный Мошнин, такой нарядный, сапоги со скрипом, и не смеет сюда войти, а говорит: «Хотелось бы полюбоваться на радость общую».

Кремонов. Почему ж не так? Он не помеха. У нас все попросту, без чинов и затей, по старине, как вы сами хотели.

Аполлон Павлович. Мы давно ведем с ним дела торговые... простой, но честный купец! *(Слуге.)* Попросить сюда Мошнина.

Явление V

Те же и Мошнин

Мошнин. Честной беседе во компании многие лета желаем.

Кремонов. Вот мой будущий зять — прошу полюбить. *(Радугин подает Мошнину руку.)*

Мошнин *(низко кланяясь).* А нас прошу жа-

ловать. (*Всматривается в жениха и невесту.*)

Вера Павловна. Что ты так на меня пристально смотришь, Гаврила Силаич?

Мошнин. Смотрю и думаю я: напрасно, матушка-сударыня, прошу не прогневаться, цветочек приколоть изволили — сами розанчик, да еще какой!.. только вот что развернулся. А твое красное солнышко при тебе: есть от чего расцветать.

Радугин. Благодарим за приветствие, благодарим.

Аполлон Павлович показывает возле себя место Мошнину, тот садится.

Хор:

*Черна ягода смородина,
Прилегла к круту бережку;
Прилегли кудри русые
К лицу белому, румяному:
Приглядывали красны девицы
За румяным молодцом;
Русы кудри по плечам лежат
На Александре да Андреевиче,
Брови черные, что у соболя;
Очи ясные, что у сокола!
Слышишь ли, Александр Андрее-
вич,*

*Мы тебе песню поем,
По имени называем,
По отчеству величаем.*

Радугин (кладет ассигнации на поднос, который подносит девушка). Благодарю, милая!

Мужчины встают, один за другим, с места, для поздравления; им подносят бокалы шампанского. На приветствия их жених и невеста откланиваются; Кремонов хочет говорить, но от слез не может; Вера Павловна бросается к нему в объятия, потом в объятия брата.

Аполлон Павлович (взявши бокал). Вера, в счастье своем не забудь брата! (Выпивает.)

Вера Павловна. О никогда, никогда: счастьем своим я вам обязана!

Один из гостей (взяв бокал, обращается к жениху и невесте). Как искрится сие вино, так искрилось бы всегда ваше счастье. (Выпивает.)

Другой (с бокалом в руке, восторженно). Сколько упоительных капель в этом бокале, столько упоительных дней в вашей жизни!

Третий (расшаркавшись и откланявшись, молча выпивает вино).

Четвертый. Как... сколько... *(Краснеет и не может выговорить слова.)*

Мошнин. Э, батюшка, оставьте, дней много в году впереди, успеете сказать. *(Взявши поднесенный бокал.)* Матушка, сударыня, Вера Павловна, дорог у тебя на ожерельи окатный жемчуг: унизал бы тебя Господь такими дорогими дочками! Милостивец, Александр Андреевич, так и горят жаром золотые позументы на одежде твоей: такими золотыми сынками обложил бы тебя Господь!

Радугин. От души спасибо за желания, Гаврила Силаевич! *(Обращаясь к Вере Павловне, тихо.)* Этот, видно, не полезет в карман за словами. *(Подносят вино девушкам; они, коснувшись губами бокала, поздравляют жениха и невесту, потом целуются с невестой.)*

Елисавета Андреевна. Мне чего желать тебе, милый друг? Чтобы ты поскорей, так же весело, праздновала мою свадьбу.

Хор

(величает гостей)

*Ох, вы умные головушки,
Разудалы, добры молодцы,
Вы охочи по пирам ходить,*

Песни слушати:
Вы охочи ли девиц дарить,
Не рублем, не полтинкою,
Золотою гривенкой.

Молодые гости кладут на поднос деньги,
Мошнин хочет то же сделать — от него не
принимают; он садится на свое место; хор
поет:

Уж ты умная головушка,

Ты окладиста бородушка,
Гаврила Силаевич,
Ты охочь по пирам ходить,
Песни слушати:
Ты досуж по свадебкам гулять,
Девушек сманивати.
Ты охочь ли девушек дарить?
Не дари рублем, не полтинкою,
Ты дари золотою гривною.
Слышишь ли, бородушка,
Гаврила Силаевич,
Мы тебе песню поем,
По имени называем
По отечеству величаем.
Станешь дарить —
Станем хвалить;
Не станешь дарить —
Станем корить.

Мошнин (кладя на поднос серебряную мелкую монету). Вы, голубушки, хвалили мою бородушку — моя бородка негодная, ощипанная, дарит вам, чего стоит.

Хор

*На дружке-то кафтан
Весь по нитке сбиран.
Как на дружке-то кафтан,
С фальшивой бахромой,
Чулки вязаны,
И те крадены,
На дружке-то шляпенка
После сватушки чертенка.*

Мошнин (махая рукой). Довольно, довольно, все кишочки повымыли! Натe, окаянные, вот вам... (Берет концами пальцев несколько ассигнаций, потом, обращаясь к Аполлону Павловичу.) Давно шипучки не пил... так и ударило в голову.

Аполлон Павлович. Э, вздоры какие! Мужик ражий! (На ухо ему.) Теперь пир в разгуле... иду, время дорого... может, через час будет поздно!.. А ты поглядывай, да не плошай... (пробирается к дверям и скрывается.)

Мошнин (в сторону). Словно смолы кипучей налил мне на сердце; хоть бы залить чем. (Обращаясь к Кремонову.) Позвольте еще, ба-тюшка, на радости, шипучки? (Слуга приносит ему вина, он выпивает два бокала, один за другим; подгулявши, садится сначала небрежно на двух стульях, а там кладет одну ногу на стул; вынув белый батистовый платок из-за пазухи, завертывает конец его на указательный палец правой руки и повелительно машет им.) Эй, девушки! «Через речку черемуха лежала».

Хор

Через речку черемуха лежала,
Да никто по черемухе не ходит,
Лишь один Александр переходит,
Свет Андреевич переходит,
Душу Верочку переводит,
Переводит он ее, целует
Через низаное ожерелье,
Через пуговики золотые.

Радугин (поцеловав Веру Павловну по русскому обычаю). Не правда ли, ангел мой, эти старинные обычаи стоят всех наших новых?

Вера Павловна. Какие бы несчастья не

ожидали нас впереди, эти минуты уж довольно вознаградили за них.

Радугин. Уж, конечно, блаженству нашему завидуют и неземные!..

Мошнин. Что ж? ребята, плясать!.. Зачем же позвали вас сюда!

Радугин. В самом деле, господа, веселиться, так веселиться. *(Входят музыканты: две скрипки, бас и флейта; молодые люди ангажируют девиц, становятся в пары и танцуют экосез, делая мудреные антраша и уморительные шассе.)*

Елисавета Андреевна. Не правда ли, господа, ведь вы мне обязаны выучкой экосеза-стрекозы? *(Молодые люди кланяются.)*

Мошнин *(глядя на танцы, пощелкивает пальцами).* Ай да, девки, ай да, ребята!.. ходи, юла, ходи живо!.. Коси сено, коси сено! Павел, вели подать еще шипучки... *(Наухо Кремонову.)* Черт знает, может твой Аполлон душил его там, а меня за него так и давит.

Кремонов *(робко озираясь, тихо Мошнику).* Душит?.. Опомнись, Гаврила Силаич... он пошел выпустить, что ты это вздор городишь... тише, погубишь нас.

Мошнин (выпив еще бокал). Гадко, ребята, другую... русскую. (Подходит к музыкантам и велит им играть «Барыню»; те продолжают начатый танец.) Эй, Павел, что ж не слушают? Ведь мы товарищи: что я, что ты — мы здесь равные господа... один профит...

Кремонов (робко). Конечно, Гаврила Силаич, мы с мужичками хлебец готовим, а ты нам продаешь его; да все-таки надо уважить других гостей... (Тихо.) Образумься, не снимай с плеч головы! видишь, все на тебя как странно смотрят... Господи, Господи! обойди нас горькой чашей...

Мошнин. Что мне до твоих гостей! я сам наибольший! Эй голубки: «Отставала лебедь белая»!.. Не то, смотри, Павел...

(Кремонов, испуганный, приказывает музыкантам перестать играть, а хору кричит: «Отставала лебедь белая». Танцы прекращаются, все в каком-то недоумении. Радугин дает тихонько слугам приказ окружить Мошнина и унести его. Мошнин барахтается, хочет что-то закричать, но один из слуг зажимает ему платком рот. Его уносят.)

Радугин. Пойдемте в другую комнату, пока

вытолкают отсюда козла. Залез в виноградники Господни и погряз в них.

Явление VI

Женская спальня. Кровать. По стене большие шкафы для платья. Портрет фамильный отца Кремонова, во весь рост, и богатый туалет, на котором в стакане стоят цветы. Портрет двигается вроде двери, из-за него показывается мало-помалу Шаф.

Шаф (*осматриваясь*). Господи! Ты провел меня здрава по безднам; докончи Свои милости, спаси меня от когтей эхидны!.. Где я?.. в спальне Веры Павловны. Это была некогда спальня горбунова деда; видно, из нее сделал он тогда лазейку в свою лабораторию. На старости он перешел в нижний этаж. (*Слышен шум.*) Идут... (*Шаф спешит спрятаться в один из шкафов, который находится против туалета; входит девушка, убирает что-то на туалете, смотрится в зеркало и уходит. Шаф выходит из шкафа.*) Одно средство — спуститься из окна! Помню, подле стены стояли старые деревья... Убьешься... Что ж? разве

легче в когтях горбуна?.. Поверю себя Господу.
(Хочет отворить окно, слышен опять стук.)
Кто-то идет на беду мою (прячется опять в шкаф; входит Вера Павловна).

Явление VII

Вера Павловна и Шаф

Вера Павловна (*садится и задумывается*). Нет, от счастья не умирают! Неужли на свете есть еще блаженство выше того, которое я испытала? (*Входит горничная*.) Ступай, ужинай или спи себе, милая! Нужно будет, позову тебя или сама разденусь (*горничная мешкает*). Ступай, я тебе говорю, оставь меня (*горничная уходит*). От удовольствия и спать не могу. Буду еще мечтать. Хоть заочно побеседую еще с ним, лишний раз мысленно поцелую его... Ах, как он хорош!.. как обворожительны ласки его!.. О, он будет любить меня нежно, страстно... Каждое слово, каждый взгляд ручаются в этом. Помню все слова его на память сердца!.. Не говорит, а глаза его так сладко волнуют мне душу!.. Милый Александр, клянусь посвятить тебе всю жизнь мою, все помыслы...

Шаф (*высмотрев из двери шкафа и становясь на колена, тихо*). Вера... Павловна...

Вера Павловна. Мне показалось, кто-то называл меня по имени.

Шаф (*сложив руки*). Спасите меня, Вера Павловна!

Вера Павловна. Ай!

Шаф. Одно громкое слово ваше, и я погиб, и вы погибли, все, все.

Вера Павловна. Что вы хотите от меня в полночь?.. в моей спальне?..

Шаф (*встает и, заперев дверь, кладет ключ перед Верой Павловной*). Всемогущим Богом клянусь, я не злодей... вы знаете меня... сколько лет я был вашим учителем!.. Видите мое лицо, мои руки... они иссохли; я дрожу, как былина, которую качает ветер... Что могу я, полумертвец?.. Не подумайте, чтобы я был сумасшедший, хотя с виду и похож на него. Я только несчастный... ужасно несчастный! Вы слез моих не видите... у меня нет более слез... я их выпил все на днях, вместо питья... Полтора года в заточении, здесь, в сыром подвале... два дня не было капли во рту... Я вижу, здесь у вас цветы в воде... позвольте...

Вера Павловна. Может быть, ядовитые цветы.

Шаф. Не могу вынести... губы запеклись, грудь сожгло (*вынимает цветы из стакана и выпивает воду*). Ах! как хорошо!

Вера Павловна. Странно! и не понимаю ничего!.. Откуда же вы ко мне?

Шаф (*двигает портрет и, отворив за ним потаенную дверь, указывает Вере Павловне сход вниз*). Оттуда!.. там, под землю, склеп... света Божьего не видать... настоящая могила! Закрою скорей! Сердце замирает от одной мысли, что можно опять туда, хоть на одну минуту.

Вера Павловна. Кто ж вас засадил туда, бедный Каспар Иваныч?

Шаф. Ваш брат, ваш отец.

Вера Павловна. Может ли это быть!.. Что вы им сделали?

Шаф. Ничего, кроме добра.

Вера Павловна. Не постигаю; объяснитесь хорошенько.

Шаф. Ужасно выговорить, для какого дела они заключили меня... Откуда же у них появилось вдруг такое богатство?.. Вы знаете, я

пропал без вести... сердце ваше обольется кровью, если я вам скажу одно слово... На вас, милостивая госпожа, я вижу праздничное платье; от этого слова оно сделается черней всякого траурного; цветок высохнет на груди вашей, волосы ваши побелеют в один миг... Нет, лучше бегите из вашего дома, пока кто-нибудь в нем не произнес при вас этого слова. Дом?.. он не ваш завтра; завтра придет грозный закон, и не оставит в нем камня на камне. Бегите отца, брата... их нет более у вас... ужасное злодеяние поставило между ними и вами вечную преграду. Оставьте родину, отечество... бегите со мною, ко мне, на Рейн.

Вера Павловна. Каспар Иваныч, сжальтесь надо мною... пощадите меня, ради Бога пощадите... я помолвлена, у меня жених — вы знаете.

Шаф. Несчастливая! не скрепляйте этого союза: он тотчас порвется, как гнилая нитка. Не думайте, чтобы для вас существовало здесь счастье; нет, злодеи у вас все отняли, даже имя... понимаете ли? Завтра выйдете замуж, и муж ваш будет гнушаться, вас, дочери делателя...

Вера Павловна. О, ради детей ваших, не договаривайте... *(Падает без памяти на диван.)*

Шаф. Господи! не убил ли я ее?.. Заточение сделало меня каким-то исступленным *(переносит ее осторожно на диван и трет ей руки)*. Слава Богу, жива... пульс бьется... Да что ей и в жизни!.. Но мне надо думать о спасении... Минуты дороги... *(отворяет окно)*. Только этот путь мне остается... скину с себя *(скидает верхнее платье и завязывает его ремнем)*, а то могу зацепиться за сучья... *(Задумывается)*. Паспорт, деньги на груди... Боже милосердый! Дай мне еще раз увидеть жену и детей... и облегчи участь этой несчастной. *(Вылезает из окна и исчезает.)*

Явление VIII

Вера Павловна *(одна, приходит в себя)*. Что я видела? Что я слышала?.. Не был ли это тяжкий сон? Нет, вот и отворенное окно... Шаф, верно, через него вышел. Хоть бы он спасся!

Простите, мои радости, мое счастье — на-

веки. Прости, Александр, я уж тебя недостойна, я, дочь, сестра делателей... *(Плачет.)*

Теперь многое становится мне ясным... Помню намеки, слухи... Понимаю дерзость Мошнина... страх и покорность отца... деспотизм брата... Боже мой! может быть, батюшка был увлечен любовью ко мне; он хотел избавить меня от унижения бедности, составить мое счастье... Вот оно — это счастье!.. Теперь все кончено; связи мои с миром разорваны... *(Слышно движение за портретом.)* Кто еще? Иди... теперь не боюсь никого, хоть бы пришел сам сатана. *(Входит Аполлон Павлович, чрезвычайно встревоженный.)*

Явление IX

Вера Павловна и Аполлон Павлович.

Аполлон Павлович. А! где он?.. ты все знаешь...

Вера Павловна. Да, знаю, несчастный... Лучше б я лишилась рассудка до этого часа! Но, слава Богу, тот, кого ты ищешь, уж далеко. Одною жертвою меньше.

Аполлон Павлович. Лжешь! он здесь... я

его сейчас видел... его тень мелькнула перед мною... Ты его спрятала. Я перерою все мышинные норы, все тайники твоего девственного гардероба. *(Осматривает во всех углах и в гардеробном шкафе.)* Он мне нужен... Он мне нужен... Наша судьба, наша жизнь в его руках... понимаешь ли ты, женщина?

Вера Павловна. О! если б могла не понимать!.. Его нет здесь — довольно ли с тебя?

Аполлон Павлович *(возвращается к сестре и с жестокостью схватывает ее руку)*. Где он? куда ушел? Говори! *(Вера Павловна молчит.)* Злодейка! ты мне скажешь правду, я вымучу ее у тебя.

Вера Павловна. Глупец! разве ты не знаешь меня? Когда вонзили нож в грудь человека, что ему укушение мухи?..

Аполлон Павлович *(бросается перед нею на колени)*. Вера, сестра, друг мой, на коленях молю тебя, скажи, где он... не погуби нас. Неужели ты желаешь видеть отца своего в оковах?

Вера Павловна. Поздно, не снимешь их теперь... Шафа нет здесь, говорю тебе, как свят Бог. Веришь ли ты еще Богу?

Аполлон Павлович (бросается к окну и взглянув в него). А! он на дереве... Ружье — и всему конец!.. (Бросается к двери. Вера Павловна становится на колени и молится. Через несколько минут слышен выстрел под окном и затем падение чего-то тяжелого.)

Вера Павловна. Злодей! он убил его.

Аполлон Павлович (под окном). А! проклятие!.. посыпались только перья.

Вера Павловна (подходит к окну и со страхом прислушивается). Не слышно сто-на... кабы промах! Чу! вдали бежит человек; брат за ним в погоню... упал, слава Богу!.. Господи, милосердый Отец! спаси несчастного... укрой его под крылом своей ночи, уравниай беглецу дорогу, чтобы ноги его не запутались обо что, склони на пути его сердца людей, чтобы дали ему убежище и скрыли от гонителей. Хоть за страдания мои дай ему видеть тех, кого он любит.

АКТ V

Комната в доме Радугина.

Явление I

Радугин и Елисавета Андреевна.

Радугин. Вот и я, милый друг, с выборов.

Елисавета Андреевна. Ну, что было там интересного?

Радугин. О! много — особенно для меня, для тебя, для Веры. Я приехал уж к концу выборов, моя участь была уж решена там без меня. Поздравь меня с должностью.

Елисавета Андреевна. С какою?

Радугин. Отгадай: удостоило дворянство здешнее...

Елисавета Андреевна. По крайней мере, в уездные предводители.

Радугин. Нет, в исправники.

Елисавета Андреевна (*иронически*). Поздравляю! Так Вера Павловна будет исправницей.

Радугин. А почему бы не так! Хоть я и против желания выбран, за честь почитаю принять эту должность. Послужу еще моему ца-

рю и отечеству, и на новом моем поприще докажу, что можно быть им полезным на всякой ступени. С этой минуты считаю новые мои обязанности... священными.

Елисавета Андреевна. Но, как хочешь — видно, твои неприятели желали тебе сделать зло.

Радугин. А я отомщу им за то всевозможным добром, какое только в состоянии буду сделать. Что ж касается до Веры Павловны, то, я уверен, она повторит мои слова, и не слышавши их. Хочу, жажду ее видеть... Ты не поверишь, как я спешил. Успел только присягнуть на новую должность, явиться к своему начальству, и полетел сюда. Ну, что там, здоровы ли?

Елисавета Андреевна. Ездила к ним, но никого дома не застала. Сказали люди, уехали за покупками в наш уездный городок; между тем, на деревне мальчик их говорил, что дома. Странно!

Радугин. Эка, беда, что мальчик соврал!

Елисавета Андреевна. Встретила Мошнина на дворе, прошел какой-то смущенный. Видно, совестился своей проделки на вечере.

Радугин. Плут порядочный! Не клади ему пальца в рот. Только меня очень удивляет, как он командует в доме Кремоновых и как старик слушается его и будто побаивается. *(Входит слуга.)*

Явление II

Те же и слуга.

Слуга. Приехал из губернского города купец, просит позволения видетсья с вами, говорит, хлеба хочет купить.

Радугин. Зови. *(Слуга уходит.)* Кстати, на свадьбу денежки нужны.

Явление III

Радугин, Елисавета Андреевна и купец.

Купец *(кланяясь и озираясь)*. Его превосходительство, господин гражданский губернатор, изволит свидетельствовать вам свое почтение и приказал вручить вам лично это письмецо.

Радугин *(принимает письмо)*. Благодарю покорно за труд, прошу садиться. *(Купец са-*

дится. Радугин, рассматривая конверт, про себя.) Секретно?.. с купцом... Что бы это значило?.. (Распечатывает и читает также про себя.) «Я нарочно дождался вашего выбора для важного следствия». А, так вот где ларчик открывается! «Податель этого письма следственный пристав Соловкин; он наряжен под начальство ваше. (Взглянув значительно на пристава, продолжает.) От него же получите официальную бумагу о назначении вас исправником, и вместе другую по делу, которое вам поручается. Знаю вас, и потому не имею нужды ограждать свое доверие обыкновенными фразами о благородстве вашей души, усердии и проч.». Хоть за это спасибо. Скорей к делу!.. (Следственному приставу.) Прошу садиться. Надеюсь, мы с вами скоро кончим начесть продажного хлеба. (Читает далее; на лице Радугина заметно возрастающее смущение, ужас и грусть; руки его дрожат.) «По соседству вашему делаются... Преступники отец и сын... Кремоновы; участник их купец Мошнин». (Вслух.) Нет, нет, это гнусная выдумка, это ложь! Их оклеветали... Богатство их породило завистников...

Следственный пристав (*тихо Радугину*).
Кто эта молодая особа?

Радугин. Сестра моя.

Следственный пристав. Прикажите ей удалиться... (*Тихо.*) Я имею верные доказательства; я докажу... ручаюсь головой моей.

Радугин. Ужасно!.. Друг мой — все конечно!.. (*Рыдая бросается обнимать сестру.*) Молись за меня! Молись за нее.

Елисавета Андреевна. Что с тобой, душа моя?

Радугин. Господь наложил на нас руку свою... О, тяжело!.. Лучше б умереть мне было на войне!.. Зачем поручили они мне это дело?.. разве они не знали?.. Проклятая должность! Я от ней отказываюсь, отказываюсь от всего... Прочь от меня, сударь, к черту с вашими бумагами! Вот вам и секретное письмо!.. (*Раздирает его в клочки.*)

Следственный пристав (*собирая клочки и завязывая их в узел платка*). Позвольте прийти к вам, когда будете спокойнее. А я немедленно приступлю к делу, согласно присяге моей. Буду вам нужен, так вы можете найти меня по следующему адресу, который

вы, конечно, не откажетесь от меня принять.

Радугин (*берет записку и прячет у себя в жилете*). Хорошо!.. Оставьте меня, сударь; дайте мне образумиться. Ведь вы человек, не зверь же! (*Пристав идет к дверям.*) Пойдите! (*Пристав возвращается.*) По этому делу вы у меня под начальством?

Следственный пристав. Точно так.

Радугин. Так я вам приказываю не начинать дела до тех пор, пока я вам не скажу.

Следственный пристав. Но если мы упустим время и случай?

Радугин. Я за это отвечаю.

Следственный пристав. В таком случае примите от меня бумагу и дайте мне письменный приказ.

Радугин (*берет бумагу и, написав приказ, отдает ему*). Теперь, прощайте.

Явление IV

Радугин и Елисавета Андреевна.

Елисавета Андреевна. Милый друг, скажи, что с тобою сделалось?

Радугин. Не могу... это не моя тайна... ужас-

ная тайна!.. Любовь, долг... вся жизнь моя тут!.. Господи, я лишусь рассудка!.. Эй! человек! *(Входит слуга.)* Лошадей! Проворней! *(Слуга уходит.)* Поеду...

Елисавета Андреевна. К кому ж ты поедешь в таком состоянии?

Радугин. Поеду к ним... к ней...

Елисавета Андреевна. Возьми и меня с собою.

Радугин. Нет, этого нельзя! Ты не должна более переступать порог их дома... Бедная Вера!.. О, кабы ты знала, как она несчастна!.. *(Обняв ее, уходит.)*

Явление V

Комната в доме Кремоновых.

Радугин *(один)*. С какими чувствами был я здесь недавно и с какими прихожу ныне! Как все приняло мрачный вид, все опустело! Будто готовятся на погребение... От стен веет тлением. А давно ли радовались здесь, пели песни, пировали счастье и любовь!.. четыре дня тому назад и — ныне... кажется, целая вечность между ними лежит.

Жарко, а лихорадка бьет меня... День, два — и я не выдержу... Куда б хорошо!

Что-то долго нейдет она? Я приказал просить ее одну, сказал, что очень нужно переговорить наедине... А тех, не хочу и видеть!.. Да вот и она. Какая перемена в ней!.. Неужели?..

Явление VI

Радугин и Вера Павловна.

Вера Павловна (*силясь улыбнуться*). Вы меня спрашивали?

Радугин. Вы нездоровы, Вера Павловна?

Вера Павловна. Да, нездорова.

Радугин (*берет ее руку*). Рука ваша ледяная.

Вера Павловна. Нет, мне жарко.

Радугин. Что с вами сделалось? Вы едва говорите, вы так холодны ко мне. Так скоро?

Вера Павловна. Нет... ничего... я только очень нездорова.

Радугин. О! не смотрите так на меня... вы сокрушаете мою душу. (*После некоторого молчания.*) А я хотел было объявить вам приятную весть: меня выбрали в исправники.

Вера Павловна. Поздравляю.

Радугин. Для вас бы ничего быть исправницей?

Вера Павловна. Почему б!

Радугин. Только вот что неприятно. Мне дали тотчас же несносное поручение... гадкое... сделать следствие по фальшивым ассигнациям. *(Рука ее сильно вздрагивает, он бросает руку и потом зорко всматривается в лицо Веры Павловны.)* Вообразите, здесь, близко делают... вы не знаете... *(Вера Павловна переменяется в лице и молчит.)*

Радугин. Прекрасная работа!.. и легкая!.. Можно, по крайней мере, разом разбогатеть... выкупить 1000 душ, заплатить долги, дочке дать богатое приданое... закинуть потом сети для ловли жениха, подцепить дурачка-соседа, составить выгодную партию...

Чудесная работа, право! я хочу сам попробовать... А вы как?..

Вера Павловна *(падает в обморок).*

Радугин. А! и она участница... И она, зная все, хотела оклеймить имя честного человека!.. Как она ловко притворялась!.. Теперь не любовь, а презрение к тебе! Эй! люди, отец,

брат, помогите ей!.. А как я любил ее!..
Несчастливая!..

Явление VII

Те же и Кремонов.

Кремонов. Что такое? Боже мой!.. Вера!..

Радугин. Ничего! Мы только распрощались! затем все по форме обстоит благополучно... Полюбуйтесь на вашу дочку, сударь!.. Ваше дельце!.. *(Бросив на Кремонова презрительный взгляд, уходит.)*

Явление VIII

Кремонов, Аполлон Павлович и Вера Павловна,

Аполлон Павлович *(схватив руку отца, который стоит в горести над дочерью и, увлекая его, в сторону).* Все открыто. Радугин объявил сестре... Я только к Мошнину... одна верста... Миготом назад. Еще не все пропало. Вы без меня... пожар — и всему конец! *(При последних словах Вера Павловна приходит в себя.)* Вера приходит в себя... снесем ее на кана-

пе (*поднимают и усаживают на диван*). Теперь за последний подвиг...

Кремонов. Не знаю, достанет ли меня на это...

Аполлон Павлович. О! тогда мы пропали...
(*Увлекает отца с собой.*)

Явление IX

Вера Павловна (*одна*). Пожар — и всему конец?.. А! понимаю. Но у отца не станет на это духу... Я за него исполню. Отец жертвовал собою для меня, надо отплатить ему тем же. Жертва от меня неважная! Мое все лучшее дала мне судьба только на один миг. Все пропало, как сон!.. Что остается мне впереди? Позор или смерть. Так ее, и чем скорее, тем лучше. По крайней мере она на что-нибудь годится... Спасу имя отца от позора. О, как жестока была судьба! Даже отняла у меня отраду видеть хотя сожаление любимого человека. С каким презрением смотрел он на меня! Я думала, его взгляд уничтожит меня в прах... Он уверен, что я участница их. И в гроб-то уношу с собою его презрение... Кто меня оправдает?.. Разве

Ты, Господи! (*Становится на колени.*) Боже милосердый! не вмени на суде Твоем моего проступка; Ты видишь, я хочу спасти честь отца моего. Еще одна молитва к Тебе, Многомилостивый... сделай, о мой Боже, чтобы, Александр узнал, что я невинна... с этой мыслью я умру спокойнее. Себя поручаю Твоему милосердию. Теперь к делу. Не останется следов. Огонь разольется по всему дому. Пускай смерть застанет меня в молитве об отце, об нем... Кто подумает, чтобы пожар сделан был с умыслом! Тогда бы не погибла дочь и сестра!.. Ее предупредили бы, спасли... (*С радостью.*) О! я уж вижу, как огонь быстро разливается на моем жертвеннике! (*Уходит.*)

Явление X

В комнате дома Радугиных. Вечер. Радугин и Елисавета Андреевна.

Елисавета Андреевна. Что, был у них?

Радугин. Был.

Елисавета Андреевна. Что ж там?

Радугин. Ничего, прекрасно! Как нельзя лучше! Распростился с Верой Павловной. Все

обошлось порядком, как водится, был и обморок.

Елисавета Андреевна. Распростился! а... свадьба?

Радугин. Разве мало женихов и без меня? Может, сыщется какой-нибудь ветошник... Мне-то что?.. Отныне запрещаю тебе говорить об них. Презренное семейство!

Елисавета Андреевна. Отец и сын, может быть; но Вера... О! я поклянусь всем священным, что не найдется другой, с такою чистою, прекрасною душою. Не только брат мой, приди мать с того света, и та не заставит меня сказать противное. Буду говорить об ней, любить ее, пока во мне хотя остаток жизни будет.

Радугин. Не спорю — прекрасная, благородная девица!.. Пускай будет по-твоему... не всем же разочаровываться!

Явление XI

Те же и слуга.

Слуга. Давишный купец.

Радугин. Зови, скажи, что давно жду. (Об-

ращается к сестре.) Поди в свою комнату, мой друг, и не мешай мне. *(Елисавета Андреевна уходит.)*

Явление XII

Радугин и следственный пристав.

Радугин. Виноват, ваша правда! Нечего продолжать следствие... Улика была налицо... Прикажете ночью окружить дом.

Следственный пристав. Надо это сделать сейчас же. Мои лазутчики дали мне знать, что вы там были и навели сильное подозрение. Горбун из-за двери слышал ваш разговор с сестрою... Предупредить.

Радугин. Так прикажите сию минуту.

Следственный пристав. Я уже приказал. Мошнина послал я взять под стражу. Извините, я действовал против вашего предписания.

Радугин. Благодарю! Вы спасли мою честь. Теперь продолжайте ваше дело. Я сам вслед за вами буду на месте. *(Следственный пристав уходит.)* Кабы кончилось без меня!..

Явление XIII

Радугин и слуга.

Слуга. Какой-то мужичок имеет крайнюю нужду до вас.

Радугин (в сторону). Может быть, по этому же проклятому делу. (Вслух.) Позови.

Явление XIV

Радугин и молодой крестьянин.

Радугин. Что тебе нужно, друг?

Молодой крестьянин. Коли дозволишь молвить, ге... ты барин такой милостивый... (почесывается) леску понадобилось.

Радугин. Только?.. Бери, руби, сколько хочешь, любезный, вали хоть целый лес.

Молодой крестьянин. Знать, барин, на радости чливо так жаловать изволишь... слышно, свадьбка у тебя скоро будет. Поздравляем твою милость.

Радугин. Да, на радости!.. свадьба... пир! Ну, получил, что надо, ступай себе.

Молодой крестьянин. Еще нуждица, милостивец.

Радугин. Что еще? говори скорее.

Молодой крестьянин. Вот изволишь видеть, нынче ночью прибежал к нам под окно прохожий, пришел ночевать. Матка было и не хотела пустить, да отец не послушался... Бает: так-то об одну пору отдал было он Богу душу на морозе, в мятелицу, кабы не пустили в избу добрые люди. И мне всегда настрого наказывает: «Сенька, скорей ворота настезь, кто бы ни попрошал, а то и благословения моего не будет». Вот полуночник-то наш был какой-то боярин; весь мокрехонек, родимый. Бает: гнались за ним злодеи, да он утек от них — переплыл Каму — видно, лих плавать! Затем, что баили они с батькой, не ведаю; батька дал ему свой зипун, да запрет свою тройку... Ведь у нас кони ухарские! Как пустишь, только земли просят. Боярин написал грамоту, сунул мне целковик... Все гляжу на него, где копые, где решето... Грамотку велел отнесть к твоей милости, коли минет столько дней сколько у меня на руке пальцев, да поминай как звали, лихо полетели! *(Вынимает из-за пазухи.)* Никому не велел отдавать кроме твоей милости. Соскучилось мне без батьки, да коней, да понадобилось леску-то, ду-

маю, чего ждать долго, дай стегну нынче, кажись, не испортил. Разве деготку попало... да я, пожалуй, слизну.

Радугин (*принимая бумагу и развернув ее*). Подпись Каспара Шафа!.. А Кремоновы распустили, что он давно уехал в чужие край. (*Начинает читать.*) Писано карандашом; с трудом разберешь.

Явление XV

Те же и Елисавета Андреевна.

Елисавета Андреевна (*вбегает в испуге*). Господи, какое зарево! Так и осветило наши окна. Точно день!.. Говорят, пожар в стороне Кремоновых. Уж не дом ли их горит?

Радугин. Безумный!.. Что я наделал!.. Как я оскорбил ее!.. Милая, бесценная сестра! Она невинна... Еду... Еду... Что буду делать, не знаю; по крайней мере, оправдаю ее перед целым светом. Я не постыжусь взять за себя дочь преступника; я должен загладить мое оскорбление... Прощай, мой друг (*обнимает ее*), молись за нас обоих. Вот, читай мой приговор. (*Отдает ей письмо, потом, обращаясь*

к молодому крестьянину.) Со мною в коляску, ты будешь мне нужен.

Явление XVI

Елисавета Андреевна *(одна, читает письмо).*

«Милостивый господин и благодетель, когда будете читать это письмо, меня не будет в здешних краях. Я имею паспорт и довольно денег, чтобы ускакать от погони. Но, избавившись от беды смертной, я считаю за священный долг оправдать перед вами особу, которой обязан своим спасением, и которую, может быть, обвинит наружность. Эта особа — Вера Павловна Кремонова. Отец и брат ее делатели фальшивых... для этого дела они заключили меня в подвал, что под их домом. Все преступные орудия найдутся там. Но, клянусь вам всемогущим Богом, Вера Павловна не знала до вчерашнего дня об их злодеяниях. Вчера, в полночь, я убежал из своей тюрьмы и попал прямо в спальню Веры Павловны. Там открыл я ей все... Можете представить себе ее положение! Я спасся. По мне стрелял

злодей-горбун; но вместо меня попал в мое платье, которое я с умыслом оставил на дереве. Была за мной погоня... я переплыл Каму... благодетельный крестьянин скрыл у себя и, уверенный, что я утекаю от злодеев, решился везти меня... в какую сторону, вы узнаете уж, поздно. Ваш долг, как честного человека, оправдать дочь Кремонова: я исполнил свой долг. Прощайте, мой благодетель, будьте счастливы, о чем усердно буду молиться с женою и детьми.

Каспар Шаф».

Боже! что с тобою, бедная Вера! *(Плачет.)*
Что с тобою будет, не смею и подумать.

Явление XVII

Ночь. Двор перед домом Кремоновых освещен пламенем. Народ и солдаты стараются тушить огонь. Несколько людей бросаются в дом. Кремонов, Аполлон Павлович, Мошин окруженные стражею. Следственный пристав, солдаты, дворовые люди, крестьяне.

Кремонов. Ради Бога, спасите дочь мою...

Она там, в своей комнате... отдам все, что имею, лишь бы спасти ее!

Аполлон Павлович (*стоит, облокотясь на спинку изломанного стула. Следственному приставу*). Бесчеловечный! Слышите ли стон?.. Это ваше дело! Пустите меня спасти сестру. Нет жалости у зверя... Так губите, сударь, людей, когда вам дана на то воля.

Следственный пристав (*спрашивает что-то у солдат, выбегающих из дома*).

Аполлон Павлович. Что, сударь, что нашли?.. Искали ночью солнца?.. Вы будете жестоко отвечать за оскорбление. Нас оклеветали завистники; им нужно наше богатство, и вы, как видно, половинщик у них; но есть закон, есть правосудие, милостивый государь, оно отмстит за невинных.

Мошнин (*тяжело вздыхая*). Не нам чета страдали; почему ж нам, грешным, не терпеть напраслины!

Кремонов. Спасите Веру, ради Бога, спасите дочь.

Явление XVIII

Те же и Радугин.

Следственный пристав (*бросаясь к нему, на ухо*). Вы испортили все дело. Видите, они умели скрыть свое злодеяние; огонь, того гляди, все поест и не оставит никаких следов. Отвечайте же вы, сударь.

Радугин. Где же Вера Павловна? Я не вижу ее.

Кремонов. Она там... в доме... О, помогите Александр Андреевич!

Радугин. Друзья, кто за мной, тому тысячу рублей, кто спасет Веру Павловну, тому пять тысяч. (*Бросается по лестнице в дом, за ним несколько молодых крестьян и солдат, вооруженных топорами, с криком.*)

Следственный пристав (*стоит в глубокой задумчивости, потом, окинув все кругом себя и увидев стул, на который оперся Аполлон Павлович, ударяет себя рукой в лоб*). Ба, дурак!.. Эй, унтер-офицер, сюда... пори у этого стула подушку.

Аполлон Павлович. Не трогайте... мы преступники. (*Отмыкает перстень и из него высыпает себе в рот яд; потом подает перстень отцу.*) Батюшка, разделите... тут еще доволь-

но для двух.

Кремонов (*отталкивает его*).

Следственный пристав. А! злодей! ушел от нас! (*Вырывает перстень.*)

Аполлон Павлович (*отцу*). Неужели и на это не достало у вас воли?.. (*Обращаясь к следственному приставу.*) Молодец! победа на твоей стороне. Возьми перстень на память обо мне; а что в нем было, того не возьмет уже никакая сила. Через пять минут, батюшка, избавлю вас и свет от уroda.

Следственный пристав. Это... руки назад (*указывая на Мошнина, солдаты исполняют его приказание*).

Кремонов. Проклятие!..

Аполлон Павлович. Не договаривайте — кончите, как вы жили. (*Шатается.*) Солдаты, поддержите меня... (*Падает на руки солдат.*) Есть, однако ж, сила выше человеческой. Эта сила... Твоя, Господи!.. (*Умирает. В это время прибегает жена Мошнина, одетая по-русски, за нею дочь лет 16-ти и два сына от 6-ти до 8-ми лет.*)

Жена Мошнина (*рыдая, мужу*). Разбойник, ты разбойник, снял с нас бедных головушки!

Дочь Мошнина (припав к ногам отца). Ба-
тюшка, на кого покидаешь ты нас, сирот? (Де-
ти плачут; солдаты уносят Аполлона Павло-
вича и уводят Кремонова и Мошнина; за ними
следует следственный пристав.)

Кремонов (оглянувшись назад и увидев
дочь). Слава Богу! она спасена.

Показывается в дверях горящего дома Ра-
дугин, неся с крестьянином Веру Павловну, ко-
торая в обмороке.

Занавес опускается.

Примечания

1

Je suis à toi — Я к тебе (*фр.*)

[^^^]

2

par camaraderie... — за компанию... (фр.)

[^^^]